

ТЮМЕНЬ Литературная

*Защитный купол
России строится
не только из ракет,
но из высоких
смыслов и вечных
ценностей.*

А. Фефелов

Газета русской литературы и культуры

RUSSIA № 1 (93) 2008 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Зимний бор.

Фото Ю. Лиханова

***Тюменской областной
писательской организации
45 лет***

* * *

Русский тот, кто говорит по-русски, думает по-русски, считает себя русским, сохраняет русские обычаи, обряды, традиции и, наконец, тот, кто беззаветно любит свою Родину - Россию и является её патриотом, не на словах, а на деле исповедуя веру православную и уважая другие народы за их самобытность и любовь к России.

Художник Илья Глазунов

* * *

Спасение бессмертной души для вечности является высшей целью земной человеческой жизни. Богоносный святитель Игнатий Брянчанинов открывает ищущим спасения его истинный смысл: «Чтобы знать, в чем состоит спасение наше, надо знать наперед, в чем состоит наша погибель, потому что спасение нужно только для погибающих... Погибель наша совершилась чрез уничтожение общения нашего с Богом и чрез вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и восстановлении общения с Богом».

Русская линия

* * *

Не все ненастье, проглянет и красно солнышко.

Русская пословица

СОРОКАПЯТИЛЕТИЕ

Еще не была создана на «законных основаниях» областная писательская организация, а литературная жизнь в нашем крае шла активно. Выходил альманах «Сибирские просторы», газета «Тюменская правда» еженедельно, по субботам, публиковала стихи, рассказы, очерки, рецензии. В Тюмени печатались и книги. В конце тех пятидесятых – начале шестидесятых, из своих сельских весей и я юным взором следил за литпроцессом в родном крае, с интересом читал стихи Бориса Полочкина, Петра Амелина, Владимира Фалея, Федора Чурсина, Георгия Первышина, рассказы и повести Станислава Мальцева, Павла Кодочигова и других. Из северян в областных изданиях печатались Иван Истомин, Юван Шесталов, Леонид Лапцуй...

Районные и городские газеты тоже часто печатали стихи, прозу, басни, особенно почитались в сибирском народе сатирические строки.

Некоторые будущие писатели и начинали в районке. Автор этих строк публиковал в бердюжской «путевке» первые свои школьные стихи. В соседнем Ишиме, в «Ишимской правде», печатал замечательные сказы Иван Ермаков, поразивший нас первородным талантом, ярким языком.

Работа в газете для молодых писателей была серьезной школой: учила точности слова, ёмкости, а если главный редактор обладал вкусом, то он требовал и художественной образности...

Книги в Тюмени выходили... до 63-го года. Издательство закрыли (плоды хрущевских перестроек), и почти одновременно создали профессиональную писательскую организацию. С 1963-го и начала она свой путь. В него вошли и наши волнения, и тревоги, и первые тоненькие книжечки. Успехи и неудачи. Многое. Семидесятые, например, годы ознаменованы грандиозного размаха Всесоюзными Днями советской литературы на Тюменщине. Усилиями местного СП, его руководителя Константина Лагунова, структур союзного и областного масштаба. К примеру, областного комитета партии, куда члены Союза писателей и молодые литераторы могли «запросто» пойти на прием по волновавшим нас вопросам – к кому-то из секретарей, вплоть до Первого.

Организация была на виду всей страны. Тогда же достойно заявили о себе Зот Тоболкин, Геннадий Сазонов, Владимир Нечволода, Андрей Тарханов и другие, «заменив», уехавших из пределов Тюмени Владислава Николаева, Людмилу Славолубову, Любовь Ваганову, рано ушедшего из жизни Ивана Ермакова.

Принятые в Союз писателей в 80-х Юрий Надточий, Анатолий Омельчук, Анатолий Васильев, Николай Коняев, Николай Смирнов, Владимир Волковец, Николай Шамсутдинов, Петр Суханов, Еремей Айпин, Маргарита Анисимкова сегодня также в активном строю. Кто-то живет в Тюмени, кто-то в северных городах, где создана (в Ханты-Мансийске) своя писательская организация. Но дороговизна передвижений, отсутствие бюджетного финансирования осложняют взаимоотношения и творческие связи, о которых в прежние времена и не говорилось. Тогда нам удавалось поехать и полететь в любой уголок нашего обширного и знаменитого края, пополнить впечатления, «собрать материал» для новых произведений.

Честно говоря, не хочется «живописать» смутные 90-е. Трудно, порой с «боями», вызванными нравственными, этическими, а то и политическими «веяниями», прошли мы эти 90-е. Хотя негативные моменты далеко не изжиты... Церковь не защищает своих чад. Светскую жизнь оседлало бесчисленное чиновничество, плодя все новые инуструкции, бессмыслицу, хаос.

И всё же литературный потенциал организации не угас, он в развитии. Выходят (со спонсорской помощью) новые книги. Активно работают члены СП – Людмила Ефремова, Аркадий Захаров, Вячеслав Софронов, Александр Рахвалов, Виктор Строгальщиков, Борис Комаров, Александр Шестаков, Виталий Огородников и другие. Действуют литобъединения.

Хотя утрата института прежних внутренних рецензентов и издательских квалифицированных редакторов нередко ведет к снижению качества издаваемых ныне книг.

И еще. Нам, живущим вдали от столичных журналов и «свободных» издательств, нынче очень трудно с ними взаимодействовать. Это повсеместное явление. Потому не случайно на тюменской территории возник ряд журналов и альманахов, где тюменцы находят место для публикаций. Среди таких «площадок», порой поддерживаемых властью, заметны «Сибирское богатство», «Сургут», «Коркинская слобода». Занимаются этим делом подвижники. Добро. Но...не убывает чувство некой нестабильности, поскольку «дело литературы» в целом перестало быть делом государственным, как было прежде...

И все же – успехов вам, коллеги, земляки! С сорокапятилетием тех, кто несет нелегкий Крест Творчества.

Николай Денисов,
Председатель Тюменского
регионального отделения
Союза писателей России.

Тюмень литературная

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

ИВАН ЕРМАКОВ:

Каждый год я подолгу бываю на Тюменском Севере. Дивны сегодняшние его дела.

Здесь живет-проживает Обская Царевна – Нефть.

Здесь пучины и бездны, прорвы и тартарары, нагнетенные газом. И люди... «Современник в ассортименте», – как говорит мой герой.

Веселые южане-одезиты срубили в ненецком поселке больницу и теперь везут в родной город ямальский подарок – северного оленя Авку.

Сбегают с бортов теплоходов на дикие берега студенческие отряды с засученными уже рукавами; деловито осматривают окрестности выпускники геологических и нефтяных институтов; едут-плывут сезонники на путину. Умыкают южных жен из столиц. Двадцатилетние – «всея тайга старожители». Солнце на одной щечке спит – Река не спит.

Здесь на тысячу волчьих попрысков окрест по тайге, во хлябях и грязях непролазных болот и тундр, дюжий, дельный и беззаветный косяк народа новую Страну Могущества Русского созидают.

Из книги «Авка слушает ветры», 1970 год

ЕВГЕНИЙ АНАНЬЕВ-ШЕРМАН:

Дописываю последние строчки книги. И опять собираюсь в путь. Туда же, в тундру.

Собираясь в путь, я отмечаю свой новый маршрут голубыми вышками – значками газовых месторождений. Тысячелетиями хранила тундра неистощимый жар своей земли. Сегодня это тепло идет навстречу людям.

Я хочу рассказать о тех, кто сегодня в Надыме создает первый газовый промысел Заполярья. Кто в Лабитнагах проектирует линии будущих трубных трасс. Кто вчера в мирном вертолетном десанте приземлился на древней земле селькупов, рядом со старинной Мангазеей. Кто в дальней фактории Се-Яхе упорно ищет еще одно богатство тундры – нефть.

Я хочу рассказать, как Ямал превращается в яркий край голубых огней, край современной индустрии. И голубеет белая тундра, и краснеет черная тундра, и зеленая тундра радостно принимает под свою добрую руку щедрый дар земли. И мы приветствует новый, многообещающий цвет тундры – голубой.

Из книги «Цвет тундры – голубой», 1973 год

ЮВАН ШЕСТАЛОВ:

В салоне самолета двадцать пассажиров. Напротив меня сидит Рыжая Борода. Это не имя. Я в уме его так прозвал. Наверное, геолог. Они такие бороды носят. Белокурая соседка заглядывает ему в лицо, расспрашивает о чем-то важном и любопытном. А слова у него, видно, дороже нефти, не фонтаном льёт, а лишь слова-капельки роняет.

«А кто она?» – спрашиваю самого себя. И тут же отвечаю: «Может быть, учительница! Их ведь так ждут маленькие северяне! Может, врач – их ведь так ждут на Севере!»

Вот сидит девочка. У неё косички и полосатая куртка. Я ещё такой куртки не видел. Модница? А может быть, просто она едет с родителями издалека, где одежда и нравы совсем другие. Со всех концов света сюда едут.

А мальчик, сидящий на самом переднем кресле, что-то спрашивает у отца. Тот внимательно слушает и что-то разъясняет. Лицо у него обветренное и, когда он молчит, кажется суровым. Руки большие, видно сильные. А пальцы темные. Может, он строитель?

Города, газопроводы, железные дороги ждут строителей.

Земля моя, я хочу идти по тебе, как шли охотники! Пусть скрипят лыжи лосиным камусом и поет белый снег. Пусть лыжами будут и вертолеты, и самолеты.

Югра моя!

Мчусь я на железном олене. У него и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчусь я на железном олене по дорогам железным. Лишь одного хочу я: чтобы думы мои не стали железными.

Из повести «Когда качало меня солнце», 1972 год

ЮРИЙ НАДТОЧИЙ:

Работал гидромотор, сердце мое, гнал масло по судам, давление в них скакало. Ракушки третичных морей хрустели о мои зубья, падали в самосвал. Люди обнимались и собирали на память песок, который я просыпал под гусеницы.

Толя кричал:

– Даёшь! – И уходил в зрелость.

Это было начало, и хотелось, чтобы оно продолжалось всегда.

Мне нравится моя работа. Мне нравится, что я – экскаватор. Из котлованов, которые я выкапываю, поднимаются дома. Чтобы они устремлялись в небо, надо сначала уцепиться за землю. Лепятся к карнизам стрижи, а я рушу корни осин, нервными сплетениями пронизываю они землю, корнями деревьев земля ощущает свою боль. Мне жаль её.

Но я люблю свою работу. Я – усталый хирург.

Жизнь земли открывается передо мной застывшим огневищем первобытного охотника и костяными наколками его стрел, каменными ядрами и сплющенной, остановившейся в полете шрапнелью. Мне кажется, что руда, из которой плавилась моя траки, шестерни и колеса, – та же кровь, отдавшая свое железо.

Из рассказа «Экскаватор 30-33-22 и Толя», 1982 год

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЕВА:

ДОМ НА ЗЕМЛЕ

Всю трассу вдоль и поперек,
Спустясь пониже, звезды видят.
Я мою копотный балок.

Сдав смену, спит водитель Витя.

Береза распростерла ветвь.

А на волне не дремлет бакен.

В своей стальной утробе нефть

Увозит осторожный танкер.

И многосильная струя

Уносит лайнер в поднебесье...

А в прессе пишет Стуруа,

Что дом планеты людям тесен.

По мне же – дом не в облаках:

Он пахнет дождиком и сеном,

Он – в хлебе, в Витькиных руках

И в гулких кразовских сиренах...

1982

Автограф Виктора Бокова. Тобольск, кремль.
Дни советской литературы (70-е годы)

Поэты в мастерской художника О. Шруба

Писательский десант на Полярном Урале

Анатолий Кукарский РУССКИЕ ЧАСТУШКИ

Виктору Бокову

Небо ясное не хмурится.
У мира на виду
По широкой сельской улице
Частушечки идут.
За березовым за кружевом
Платочками взмахнут.
То притопнут, то закружатся,
То горестно вздохнут.
Под окошечком подружечки
На лавочке сидят.
Сколько помню вас, частушечки,
Столько помню я себя.
Не чужого роду-племени –
Все повязаны судьбой...
И гудели ветры времени,
Ожидание и боль.
И качалась у окна
Черемуха спелая...
Ах, война,

война,
война,

Да что ты с нами сделала!
За селом обоза скрип –
Фонду оборонному.
За селом тоскливый вскрик –
Похоронная!
Под окошечком подружечки
На лавочке сидят...
Сколько помню вас, частушечки,
Столько помню я себя.
Никакой не зная корысти,
В вас душа моя поёт.
Ваши радости и горести –
Все до капельки моё.
В вас, как в сердце,
отражается
Черета торжеств и бед.
И багровые пожарища,
И сияние побед.
И торжественная музыка,
И смешливый перезвон.
Широта – такая русская –
На полный горизонт!
Пусть вовеки не забудется,
Как у мира на виду
По широкой сельской улице
Частушечки идут!

70-е годы.

ПОД ЕРМАКОВСКОЙ РАДУГОЙ

Знакомство мое с творчеством Ивана Михайловича Ермакова началось в начале 60-х годов со сказа «Зорька на яблочке», опубликованного в газете «Тюменский комсомолец» в нескольких номерах.

Кто такой? – гадаю про автора. Бажов ведь! Настоящий Бажов, по-своему: по-ермаковски! Только темой и образами – на современный лад: без волшебства, без чертовщинки, об обыденном, нынешнем, но как радужно, лукаво, с выдумкой, весело, песенно! Он подобно солнышку, на каждом своем герое-героине, на самом глядельце зорьку зажигал!

В январе 65-го (я тогда работал в Сургутской НРЭ) меня пригласили в качестве гостя на отчетно-выборное собрание Тюменской писательской организации. Тогда-то и довелось мне познакомиться с Иваном Михайловичем лично.

Добродушно-усмешливый, истинно российского обличья сорокалетний мужчина с басистым – то рыком, то сиповатым шепотом, – голосом, веселыми глазами, висловатым увалистым носом, улыбчивым, добрым ртом, – этот, простоватого – теркинско-го! – обличья человек привлекал людей к себе сразу и навсегда.

Мое имя было упомянуто в докладе ответственного секретаря организации В.Я. Лагунова, в некоторых других выступлениях писателей. Присутствовавший на собрании от Правления СП СССР известный поэт из Москвы Лев Ошанин во время перерыва нашел меня и пожал руку. Расспрашивал: кто я, откуда... Увидев первого секретаря обкома КПСС Б.Е. Щербину, округлился, пожелал успехов, поспешил к нему. Ермаков, стоявший неподалеку – мы курили, – дымно хохотнул: «Слышь, Витек! Руку-то теперь не мой: генерал литературный жал её!»

Весной того же года меня перевели в Тюмень, в геологоуправление, и я стал видаться с Ермаковым часто. Тогда вышла первая книга о нефте-разведчиках Тюмени «Разбудившие землю», я был представлен двумя небольшими очерками и стихами, Ермаков – большим очерком об одной из первых тюменских геологинь Елизавете Борисовне Княгницкой. Этот очерк, как и другие ермаковские очерки, образностью, радужным многоцветием, живым словом созвучен

его сказам. Наше книжное соседство также способствовало нашему сближению. В то время он жил в центре, напротив рынка, но высоковато и тесновато: «у самого небушка за пазухой». Вскоре получил трехкомнатную квартиру (малогабаритную, но – все же!) в микрорайоне геологов, и мы стали соседями, тут уж мы встречались с ним просто по-жизейски: на автобусной остановке, в гастрономе «Родничок», в хлебном магазине или у мусорной машины во дворе. Когда он работал над очерками о геологах или нефтяниках, он запросто заглядывал ко мне – проконсультироваться по техническим, профессиональным вопросам, и я смог убедиться – как тщательно, дотошно вникал он в материал, в тонкости профессии своих героев, их нравов и условий жизни.

В общении он был легок, приятен, интересен, быстро сходился с людьми, особенно – с бывшими фронтовиками...

Вместе с Ермаковым мне довелось несколько раз заходить к Ивану Истомину – тот был почти прикован к постели, но писал, заканчивал работу над романом «Живун» и особенно радовался приходу тезки. «Тезка мой – вот кто настоящий «живун». Мертвого поднимет! – говорил Истомин после очередной ермаковской импровизации, протирая слезлившиеся от смеха глаза. – Вот, кажется, еще немного – и встану на ноги после его задоринки!»

Как приятно бывает услышать похвалу от собрата по профессии!

Как-то я представил в писательскую организацию свои рассказы. Замечаний было немало, но общая оценка – благожелательная. По рассказу «Тетя Нюра», прообразом которого была моя сургутская квартирная хозяйка Анна Григорьевна Попова, ссыльная, Иван Михайлович выразился так: «Рассказ неплохой, но... больно уж приглядна кулачка-то. Не пройдет... Ты, Витек, сделай её нянькой детей кулацких, которая за ними в ссылку подалась: и проходно будет, и образ усилится... Советом я не воспользовался. Рассказ был тогда отклонен в издательстве. Опубликован... тем же издательством через двадцать лет!

Иван Михайлович замечания высказывал дельные, остроумные, без менторства, без поучительства. Влияние его ощущали все молодые авторы.

Из общения с писателем узнал я,

что родился он в большой – двенадцать детей! – крестьянской семье. В деревне Михайловка Казанского района. На юге нашей области. После семилетки работал кукловодом в Омском театре кукол. Учился в театральной студии драмтеатра. В 43-м, после пехотного училища, был командиром стрелкового взвода на Волховском и Ленинградском фронтах, дважды ранен, орденноносец. После демобилизации работал заведующим клубом, учился в Тобольском культпросветучилище. Сочинял концертные программы сельских праздников (и вел их!), занимался и кукольным театром. В 30 лет начал публиковаться, стал членом Союза писателей СССР. В 45 лет по его творчеству выпускники-филологи Уральского университета писали дипломные работы...

В 1974-м, в пятьдесят лет, кончилась ермаковская сказка-быль.

Сказка потому, что не мог он про Берестышку, про Пуйко, про Костю-египтянина и других домашними или книжными словами говорить, потому что «каждый день их жизни в сказку просится».

А была? Быль потому, что живут еще на нашей «умной, зеленой, радостной земле» и другие – непохожие на него самого и его героев люди.

Рано ушел из жизни Иван Михайлович! Мне кажется, в его планах было создание большого исторического произведения.

В последний его приход за «консультацией геологической» мы засиделись у меня на кухне за посторонним разговором, потягивая кисленький болгарский «Рислинг»: речь шла о каком-то ностальгическом, подсознательном (по нашему с ним мнению) стремлении русских к Тихому океану. Темой он владел: чувствовалось, что издавна к ней подбирался, – каждый его казак-землепроходец оживал, приобретая, правда, ермаковские черты: «Надо ж понять какая могучая сила их тянула на протяжении веков – нюхнуть ноздрей океанского вольного воздуха!» – подался ко мне, крупные крылышки его носа трепещут – будто и в самом деле вдыхает он соленую океанскую аэрозоль, а светлые глаза – в лукавом прищуре...

Таким он мне и помнится. И, конечно, радуга над ним...

Виктор Козлов,
г. Мегион

САЗОНОВ И ПАРОВОЗ ЧЕРЕПАНОВЫХ

Геннадий Сазонов был человек и писатель, конечно же, уникальный. По профессии он был геологом-рудником. И она, профессия, была его жизнью, сутью, мерилем человеческих качеств и отношений. Он мог долго и увлекательно рассказывать геологические полевые истории, байки, были и небылицы. Затем, позднее, они входили живописно в его рассказы, повести, очерки. Отдал он своему любимому геологическому делу около двух десятков лет, ежегодно, по весне, отправляясь в поле, то есть в горы Полярного и Приполярного Урала, возвращаясь в Тюмень поздней осенью, полный впечатлений и литературных замыслов, посвежевший и бодрый...

В последние годы жизни, когда Сазонов перешел на «вольные хлеба», появилась в нем этакая осанистость, житейская основательность, унаследованная от крестьянских родовых корней. Я порой, часто общаясь с Геннадием Кузьмичем, сожалел, что он оставил геологию, которая в те уже далекие годы окрашивала его ореолом романтизма и некоей исключительности.

Мне всегда нравились люди страстные и увлеченные не только «голой» литературой, как нередко нынче бывает, а тем делом, которое становилось для пишущего его основой, твердью.

Вот сейчас видится мне ранний зимний вечерок. В свете фонарей тюменской улицы Республики нежно падают снежные хлопья, какие-то мягкие, ласковые. И сам вечер, не то декабрьский, не то январский, стоит приветливый, раздумчивый. Мы идем с поэтом Володей Нечволодой, говорим, как всегда, о поэзии, о делах житейских и литературных. Редкие прохожие. И вот из полумглы, облепленный снегом, в демисезонном пальтеце, в ме-

ховой шапке, при бородке, возникает бодро шагающий человек. «Это Гена Сазонов! – толкает меня в бок Володя. – Помнишь, я тебе говорил, что он талантливую книжку издал – «Привет, старина!»

Мы знакомимся. Геннадий тянет нас обоих «куда-то пойти и посидеть». Заходим, сидим! Затем, после «посиделок», мы оказываемся в его полупустой однокомнатной квартирехрущевке, где единственная примечательность – книги, много книг на самодельных стеллажах...

Следующие мои наиболее запомнившиеся моменты из его жизни – это когда он уже стал членом писательского Союза, был бессменным руководителем секции прозаиков на семинарах молодых писателей. Да и вообще много помогал молодым. Свои отзывы на тот или иной рассказ семинариста он писал мелким разборчивым почерком, подробно анализировал, давал советы, отмечал наиболее удачные места. Зачастую сама рецензия-отзыв получалась у него едва ли не в полтора-два раза объемнее анализируемого произведения.

Показывал и я ему свою рукопись повести об Арктике, он также увлекся в разговоре, советуя непременно и подробно прописать понравившиеся ему места в повести, mnoжить детали приметные. «Вот ты смотри: ваше судно стоит на якоре, штормит, ветер заполошный... Ты упоминаешь про чаек, что с трудом летят навстречу шторму. А ты посади хоть одну уставшую чайку на рею. Расскажи, как она садится, как голову в перья втягивает, словом, дай живописную картину штормовой погоды!»

Поэтическую деталь, метафору в прозе Сазонов любил и знал в ней толк.

Еще мы совместно ездили немало, выступая по путевкам в различных аудиториях. Командировало обычно Бюро пропаганды при писательской организации. И, конечно, это был изрядный приварок к тому небольшому гонорару, что получали мы за изданные книги, за журнальные и газетные публикации.

Однажды по приглашению Свердловского бюро пропаганды мы оказались с Сазоновым на литературных гастролях в городе Нижний Тагил. Деятельная организаторша наших встреч с читателями проявила такую активность (зарабатывала она на выступлениях писателей), взяла нас в такой оборот, что буквально не было нам продыха, чтоб не только познакомиться

с новым городом, но и нормально перекусить. К последним встречам Сазонов, страдающий астмой и при этом безбожно смолящий «Беломор», почти совсем потерял голос, охрип. Я уж и в шутку и всерьез говорил ему: мол, я твоё выступление знаю наизусть, ты уж только представься и сиди помалкивай, я за двоих отработаю! Сазонов не соглашался и как-то сам «выплывал», пусть кратко, но сам...

Заключительное наше выступление проходило в холодном большом зале какого-то лесного санатория. Мы оба явно красовались, что вот живем в знаменитой на весь мир Тюмени, рассказывали о ней всякие подробности, читали стихи, прозу. Под конец мы попали в плотное кольцо слушателей, большая половина которых были тюменские нефтяники и геологи, даже несколько человек хороших знакомых Геннадия Кузьмича по совместной работе. Мне было неловко, про себя думал: «Вот выпендривались – Тюмень, нефтяная эпопея, а тут...»

Наутро знакомцы Сазонова завалили к нам в гостиничный номер, посетив предварительно ближний гастроном. День был воскресный, и после утреннего «завтрака» земляки пригласили нас осмотреть достопримечательности промышленного города. От сего мероприятия, не помню, почему, я отказался. Они ушли и вернулись за полдень.

Эпохальным событием этой экскурсии оказалось посещение местного краеведческого музея, где установлен – тоже знаменитый на весь мир! – паровозик Черепановых.

Любознательный Сазонов, осматривая прадедушку паровых машин, повернул какой-то стопорный рычаг – и черепановское детище сдвинулось и поехало по музейным рельсам.

Старушка-смотрительница, рассказывали наши экскурсанты, едва рассудка не лишилась, возопив на весь музей: «Двести лет стоял без движения! Двести лет...».

Прибежал милиционер, но все уладилось миром...

Есть на Червишевском погосте, под Тюменью, холмик с памятником, последнее пристанище геолога-бродяги, талантливого писателя, оптимистичного человека Геннадия Сазонова. Стоят над ним молчаливые сосны.

Падает снег, шумят травы, синее просторное небо, волю и синеву которого он так любил в своих странствиях и трудах.

Николай Денисов.

Тюмень литературная

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

...Работая над первым романом о сибирских геологах, я зачастил в архив, пытаюсь воссоздать полную драматизма впечатляющую картину открытия нефтяных богатств нашего края. Я перечитал множество докладных, рапортов, справок об открытии. Из всего прочитанного у меня сложилось твердое убеждение: до конца Великой Отечественной нефть в Сибири не искали. В 1948 году пришли сюда первопроходцы, которым мешали, не верили, сбивали с толку, но они все-таки наперекор и вопреки «нащупали» в таежных болотах Приобья нефтяные кладовые и подарили Родине сибирскую нефть.

В своих письменных и устных выступлениях я в меру способностей славил и воспевал тюменских первопроходцев, подкрепляя и расцвечивая кем-то сочиненную версию о их тернистом пути к нефтяным кладам. Залетные «свои» и зарубежные писатели и журналисты, наслушавшись рассказов геологов-героев и лауреатов, начитавшись наших сочинений, скореехонько развезли по белу свету схваченную на лету историю великого «открытия века».

Когда осела пена восторженного умиления подлинным мужеством и ненадуманым, непоказным героизмом геологов, мне захотелось заглянуть вглубь великого

открытия, добраться до истоков и первым вопросом, на который я стал доискиваться ответа: кто мешал тюменским первопроходцам, чинил им всяческие преграды, подставляя ножку, настораживал западни? – о чем так живописно и громко трубили руководители обкома партии и Тюменского геологического Главка.

Когда я задал секретарю обкома А.К. Протозанову свой вопрос, тот сперва оглушил меня каскадом ругани в адрес перестраховщиков, трусов, кабинетчиков, которые не верили в тюменскую нефть, не давали средств, техники, специалистов и наверняка надолго отодвинули бы великое открытие, если бы не героизм, мужество, упорство...

– Пожалуйста, назовите конкретно, кто, когда и каким образом мешал, тормозил, вредил? – спросил я, выждав паузу в громовой речи.

Какое-то время помолчав в раздумье, Протозанов вдруг взъерился, матюкнулся и отослал меня с этим вопросом к «папе Юре» – начальнику Тюменского геологического Главка Ю.Г. Эрвье, предупредив того о моем визите.

«Папа Юра» тоже не ответил мне на, казалось бы, простой и обязательный вопрос. И я твердо решил откопать ответы на этот и другие вопросы в архивах.

Чем глубже вгрызался в архивные пласты, тем чаще натывался на подделки, подчистки, подтасовки, открытую ложь. Последней каплей, повергшей меня в смутение, оказалась тоненькая папка из спецхрана с грифом «Сов. секретно». В папке лежала карта естественных выходов нефти в Среднем Приобье, составленная неведомым мне геологом Виктором Васильевым еще в 1935 году. Черные пятна, отмечающие выходы нефти, раскиданы там, где впоследствии и были застолблены крупнейшие нефтяные месторождения. Здесь же покоилась телеграмма Васильева, посланная из Сургута в 1934 году, в которой утверждалось, что нефть на реке Югань есть. Тут была в том же году написанная статья Васильева «К вопросу о нефтеносности Обь-Иртышской области» и многие другие документы, свидетельствующие о том, что геологоразведочные экспедиции молодого, талантливого геолога Виктора Васильева в 1934 – 1936 годах не только сделали самый первый шаг к нефтяным кладам Западной Сибири, но и подтвердили прогноз Губкина о нефтеносности восточного Зауралья, сформировали в его пользу общественное мнение.

Первые экспедиции Васильева – сплав одержимости, мужества, дер-

зости молодых первопроходцев, тащивших в поводу за собой тяжело навьюченных лошадей. С огромными рюкзаками на плечах. Застревали в непролазных чащах, утопая в болотных хлябях. Строили буровые из бревен. Бурили ледбедками вручную... Но добыли-таки материалы, позволившие Васильеву в своем труде «Геологическое строение северо-западной части Западно-Сибирской низменности и её нефтеносность» категорично заявить: «НЕФТЬ И ГОРЮЧИЙ ГАЗ В НЕДРАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ ЕСТЬ», и она в ближайшее время «ПРЕВРАТИТСЯ В ОДНУ ИЗ НЕФТЯНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА...»

И пошли по следам Васильева в Западную Сибирь все новые и новые, все более мощные геологоразведочные партии и экспедиции. Последняя предвоенная комплексная геофизическая экспедиция в Среднее Приобье состояла из 32 партий, 300 топографов, геофизиков, буровиков; у неё были не только олени и лошади, но и 5 вездеходов, 6 роторных станков. И если бы не война...

Я был потрясен неожиданным открытием: нигде прежде я не встречал фамилии Васильева. В сотнях прочитанных мною статей, книг, в воспоминаниях геологических боссов

присутствует множество имен героев, лауреатов, депутатов, почетных геологов, но нет имени **Виктора Григорьевича Васильева**, нет и рассказов о его первых экспедициях. Воспользовавшись данными Васильевских экспедиций, по его картам, пусть и с невероятными трудностями и лишениями, но все же не по целику, не наугад, добраться наконец до великой победы и ни разу не помянуть того, кто был **первым** – это показалось настолько чудовищным, что, отложив все дела, я тут же написал в «Тюменскую правду» о своем неожиданном открытии, поместив в материале и фотографию Виктора Васильева, и карту нефтяных выходов, составленную им тогда, и текст его радиogramмы, и еще кое-какие документы.

Ах, какой тарарам подняли начальник геологического Тюменского Главка, Герой, лауреат, депутат, осыпанный орденами и званиями «папа Юра» – Ю.Г. Эрвье, и второй секретарь обкома партии, в недавнем прошлом ученый геолог Г.П. Богомяков. Я еще не получил газету со своей статьей, а меня уже призвали к секретарию обкома по идеологии Д.А. Смородинскому. Там меня поджидали и Богомяков с Эрвье.

С ходу, едва дав мне присесть, повели они атаку. Сперва пошли в ход затасканные козыри: я-де, умалил, принизил, взял под сомнение выда-

ющиеся заслуги тюменских геологов, которые, по моему утверждению, вроде бы явились на готовенькое и никакого подвига не совершили и, получается – не из их рук приняла Родина ключи подземных нефтяных кладовых Западной Сибири...

– Так вы недовольны, что стала известна людям ПРАВДА?

И атака захлебнулась, но ненадолго. Миг раздумий, и Богомяков выкинул иную козырную, неожиданную.

– Вы взяли документы из спецфонда, все они с грифом «Секретно» и публиковать их без специального разрешения Вы не имели права. Есть специальная инструкция...

Выслушав длинную, все более накаляющуюся речь Богомякова, я понял, спасти меня может лишь наступление, и...

– Неужели вы считаете нормальным, когда из истории по чьей-то злой воле или прихоти выбрасываются имена её главных действующих лиц? Или, по-вашему, Васильев не является таким лицом?..

Постепенно разговор перешел в иную плоскость. В уме Богомякову не откажешь, и, понимая проигрышность своей позиции, он неприметно попятился, пообещав все-таки наказать меня за своеволие...

(Из книги «Перед Богом и людьми».

Издательство «Исеть», 1993 г.)

Союз писателей России Тюменское региональное отделение

*Члены Союза писателей СССР и России,
живущие в Тюмени:*

- 1.Тоболкин Зот Корнилович
2. Денисов Николай Васильевич
3. Мальцев Станислав Владимирович
4. Горбунов Сергей Герасимович
5. Еловских Елена Михайловна
6. Васильев Анатолий Иванович
7. Захарченко Виктор Иванович
8. Захаров Аркадий Петрович
9. Комаров Борис Алексеевич
10. Коробейников Виктор Семенович
11. Кравцов Александр Борисович
- 12.. Ломакин Станислав Константинович
13. Мищенко Александр Петрович
14. Мешков Юрий Анатольевич
15. Омельчук Анатолий Константинович
16. Огородников Виталий Петрович
17. Пионт Екатерина Лаврентьевна
18. Селиванов Федор Андреевич
- 19.Строгальщиков Виктор Леонидович
20. Чернышев Артур Васильевич
21. Федосеенков Михаил Алексеевич
22. Шумский Сергей Борисович
23. Шестаков Александр Евгеньевич

Юг Тюменской области:

24. Страхов Валерий Георгиевич (с. Сладково)
25. Дребезгов Олег Алексеевич (п. Казанское)
26. Худякова Вера Викторовна (Исетский р-н).
27. Надточий Юрий Сергеевич (г. Тобольск)
28. Софронов Вячеслав Юрьевич (г. Тобольск)
29. Ольков Николай Максимович (с. Бердюжье)
30. Рахвалов Александр Степанович (г. Тобольск)

Север Тюменской области:

31. Ефремова Людмила Георгиевна (г. Надым)
32. Сержантова Алевтина Владимировна (г. Надым)
33. Зинченко Нина Николаевна (г. Нижневартовск)
34. Котов Валерий Валентинович (г. Ноябрьск)
35. Ругин Роман Прокопьевич (г. Салехард)
36. Ткачев Богдан Юрьевич (г. Нижневартовск)
37. Нетребо Леонид Васильевич (г. Пангоды)
38. Козловский Александр Александрович. (г. Сургут)
39. Молоканов Анатолий Николаевич (г. Надым)
40. Ермоленко Юрий Павлович (г. Салехард)
41. Неркаги Анна Павловна (ф. Лаборовая, Ямал)

1 февраля 2008 года

Тюмень литературная

Тюменская областная

Истомин Иван
Григорьевич, 1955 г.

Лагунов Константин
Яковлевич, 1959 г.

Ермаков Иван
Михайлович, 1962 г.

Шесталов Юван
Николаевич, 1962 г.

Николаев Владислав
Николаевич, 1964 г.

Лапцуй Леонид
Васильевич, 1964 г.

Шерман Евгений
Григорьевич, 1965 г.

Славолубова Людмила
Дмитриевна, 1967 г.

Шульгин Микхуль
Иванович, 1971 г.

Сазонов Геннадий
Кузьмич, 1971 г.

Денисов Николай
Васильевич, 1975 г.

Тоболкин Зот
Корнилович, 1975 г.

* Члены Союза писателей СССР

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Неркаги Анна
Павловна, 1978 г.

Шумский Сергей
Борисович, 1979 г.

Лыкосова Раиса
Ивановна, 1979 г.

Тарханов Андрей
Семенович, 1980 г.

Айпин Еремей
Данилович, 1981 г.

Нечволода Владимир
Алексеевич, 1982 г.

Сулейманов Булат
Валикович, 1984 г.

Надточий Юрий
Сергеевич, 1984 г.

Анисимкова Маргарита
Кузьминична, 1985 г.

Мальцев Станислав
Владимирович, 1985 г.

Омельчук Анатолий
Константинович, 1990 г.

Мищенко Александр
Петрович, 1990 г.

Имена и год приема в СП

УЗЕЛКИ ПАМЯТИ

Хлопотливая газетная работа в Омутинке в шестидесятых и встречи с тюменскими литераторами в ту пору подвигали меня, районного газетчика, к литературным опытам. Первую повесть «Отчим» опубликовал я в нескольких номерах своего «Ударника». Кроме коллег, ценителем повести стал и гость из Тюмени Михаил Лецкий, поэт взростой и детской тематики. У него как раз вышла симпатичная книжка «Посадила Валя лук». Михаил Александрович не жалел теплых слов, похвалил меня, потом бережно пожурил за издержки-промахи. Затем добавил так: «Помрачнел, вижу, после критики. А наш брат, добровольный батрак, обязан научиться качественно батрачить, достойно держать удар, толково реагировать на замечания».

Еще Лецкий рассказал, как недавно в Москве «выхлестали» его за стихи о Тюмени, которую он «увидел» сквозь «глазок» на морозном стекле городского автобуса... Мол, как это «стихотворец сумел рассмотреть столицу великой нефтегазовой территории в какой-то глазок на стекле!» Далее Лецкий резюмировал: «Творческий процесс не признает ошибок даже в мелочах, не прощает неточностей. Торопливые слова писателю только во вред».

Подобные уроки мне и некоторым моим сверстникам давали учительница-жизнь и опыт старших, которые уже завоевали признание, печатались в тюменских альманахах «Сибирские просторы», «Твои товарищи», «Сибирские звездочки», в коллективных сборниках, в газетах, выходили отдельными книжками. Среди таковых авторов мне, например, были интересны мощно возникший в литературе Иван Ермаков из Казанки, тюменцы Константин Лагунов, Станислав Мальцев, Петр Горбунов, Майя Сырова, Петр Кодочигов, ишимец Михаил Лесной (Зверев), мой

юный земляк из Бердюжского района Николай Денисов, тюмонец Василий Еловских. Последний умел подогреть читательский интерес душевными рассказами о дружбе и любви, героизме и трусости, человеческой преданности и предательской подлости. Помнится его сборник рассказов «Нина», вышедший в те 60-е годы.

Как-то свела меня судьба с Еловских. Приехал он в Омутинку, и я намеревался «покатать» писателя на своем мотоцикле-козлике по районным селам-весьям. Но писатель заявил: «В Краснояр я пойду на своих двоих! Пешему путнику – в красоте и тишине милой природы – думается лучше. А думать нашему брату ох как надо...»

Оригинальный поэт из Тюмени Толя Кукарский был моложе меня на пару лет. Динамичный, открытый, похвальной ауры человек – словом своим поэтическим – обогнал он меня... да и самого себя на многие годы. Печально, сгорел уж очень быстро, в сорок четыре года.

Приехав в Омутинку по заданию областной газеты, Кукарский побывал и на занятиях нашей литгруппы. Помнится, Эдуард Бояршинов прочитал свое лучшее стихотворение «Березка». А Кукарский ответил ему «Русскими частушками». Мы все, члены литобъединения, ударили в ладоши: «Здорово!»

Анатолий Степанович вдруг посуровел и прочитал фрагмент из будущей (и последней своей) книги «Мне рассказал Самотлор». Сурово прозвучали эти строки – о сохранении природы нашего края и всей Земли нашей:

Мне дорога нефтепровода нить,
Как рек российских главное течение.

Но человек обязан сохранить
Земли своей прямое назначение.
Мы спорим, что есть средство,
Что есть цель...

Но только так заведено от века:
Земля ведь дом.

Она не только цех.

И этот дом один у человека...

Многому я смог поучиться у замечательной очеркистки из «Тюменской правды» Людмилы Дмитриевны Славолубовой. В 66-м она подарила мне свою книгу «В краю зеленой звезды». Это емкая, честная, на хорошем языке исполненная документальная повесть влюбленного в своих героев человека. Несокрушимо сильных людей требовала стройка века: газопровод Игрим – Серов. Только богатыри могли одолеть 500 километров сплошной тайги, 150 километров болот, 220 коварных рек, 90 километров скального и щебеночного грунта. Людмила пробыла на трассе месяц. Подобной стройки, о которой потом вдохновенно рассказывала, мир еще не знал. И журналистка вскоре была принята в Союз писателей СССР.

Помню, как на одном дыхании прочел очерк писательницы в «Сибирских просторах» – о знатной доярке из деревни Падун Заводоуковского района Галине Петровне Матвеевой. А еще я был свидетелем общения Славолубовой с не очень коммуникабельной Ниной Трофимовной Леутенко, бригадиром Томской фермы. Эта колоритная, знающая себе цену заслуженная труженица, участвуя в Сибирском совещании аграриев, была удостоена встречи с самим Никитой Сергеевичем Хрущевым. А на партийном съезде, в Москве, фотографируясь в группе делегатов с Леонидом Ильичом Брежневым, шепнула своей подруге, землячке-телятнице, глядя из второго ряда фотографирующихся: «А Ильич-то лысеет». Ильич услышал, повернулся к ним и с напускной печалью сказал: «Да, девочки, лысею». И девочки заалели густым румянцем, готовые провалиться сквозь ухоженный паркет Дворца съездов...

Людмила Славолубова любила своих героев, любила тепло подписать книгу своим читателям. Бережно храню одну из её книг: «Саше Шестакову. Моему давнему хорошему другу. Л. Славолубова. Тюмень, март, 1968 г.»

Александр Шестаков,
журналист-ветеран,

член Союза писателей России.

На фото: Анатолий Кукарский (слева) в гостях у омутинцев.

(Примечание «ТЛ». Л.Д. Славолубова сегодня живет в Вологде).

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА V

Рассказ

В маленьких городах железнодорожный вокзал выполняет не только основную свою функцию – принимать и отправлять пассажиров, но и множество дополнительных, например: восполняет недостаток развлекательных учреждений. Некоторые горожане приходят сюда просто погулять по перрону, другие, конечно, встречать приезжающих, молодежь любит здесь «потусоваться», поэтому и после ухода поезда перрон вокзала не пустует.

Собравшись в дорогу, я по привычке всегда приезжаю на вокзал задолго до отправления поезда. Глазея на окружающую толпу, пытаюсь угадать, кто сядет в поезд, кто будет ехать в нашем вагоне или в моем купе. Иногда догадка бывает правильной, и я радуюсь в душе как ребенок.

В этот раз мне пришлось задержаться в пробке на дороге и приехать на вокзал, когда поезд уже подал, но посадку еще не объявили. Я рассматривала стоящих около моего вагона пассажиров, пытаюсь определить своих будущих спутников на ближайшие два дня, скорее, я выбирала, с кем бы мне было приятно провести это время. Шумную толпу кавказцев и китайских челноков я отмела сразу, семьи с детьми меня тоже не устраивали, две молодые пары, ссорившиеся уже на перроне, пугали своей неуемностью; остановилась я пока на молодой скромно одетой женщине и мужчине интеллигентной наружности, в надежде, что интуиция меня не подведет.

Посадка проходила бурно, китайцы делали вид, что русского языка не понимают, кавказцы обхаживали прибежавшую уже после объявления посадки молоденькую проводницу, пожилая пара никак не могла затолкать своего скулившего пса на ступеньки вагона, мамы совали всем под нос своих вопящих чад, пытаюсь протиснуться в вагон без очереди. Когда я, наконец, добралась до своего купе, то увидела

молодую даму, которую я на перроне выбрала себе в спутницы, зажатую в угол огромными клетчатыми сумками, а в узком проходе купе суетились два вспотевших китайца, пытаюсь рассовать свой огромный багаж по полкам.

Появившись в проеме двери, я ввела присутствующих в замешательство; на их лицах было написано большое сомнение в том, что я смогу к ним присоединиться, в связи с отсутствием в купе места для меня в принципе. Но я никого не торопила и багаж как-то сам собой рассосался, китайцы пространства занимали мало, все благополучно расселись. Через некоторое время я познакомилась с молодой женщиной, получили мы и постелили белье, а китайцы уже тихонько посапывали на верхних полках. Катя мне шепотом призналась: «Когда я сидела в уголке, зажатая сумками со всех сторон и ждала четвертого пассажира, то подумала, если войдет еще один китаец, я выброшусь в окно!»

Китайцы оказались славными ребятами, в перерывах между сном они сползали с полок, ели лапшу и снова ложились спать. Катя тогда сказала сакраментальную фразу: «Лучший китаец – это спящий китаец».

Пока иностранцы ели и спали, мы с Катериной рассказали друг другу о своей жизни, перемысли косточки известным актерам и певцам, разгадали, как могли, все кроссворды и к вечеру должны были заскучать, но в китайском стане затрубила труба, и начались сборы. Скоро китайские парни нас, к сожалению, покинули, и мы стали ждать очередных попутчиков, тихонько переговариваясь.

Когда в купе вошла пожилая пара, мы обрадовались, приняли их очень радушно и решили, что ночь пройдет спокойно, а там ближе к обеду наше путешествие уже и закончится. Катя, как самая молодая, переместилась на верхнюю полку, все довольные собой и окружением

сели ужинать. После ужина Василий Игнатьевич – единственный наш кавалер, ушел в соседний вагон к своему другу играть в карты, а женский коллектив занялся своим любимым делом. В вагоне было тихо, маленькие дети уснули, из радиоприемника доносилась негромкая музыка, все располагало к беседе. Так как мы с Катериной уже знали друг о друге все необходимое, то ничего не оставалось, как раскрутить на откровение нашу пожилую подругу. Ангелина Карповна долго не сдавалась, все отшучивалась, ей совсем не хотелось говорить о себе. Но Катерина, несмотря на свой тихушный вид, мудро вела разговор, и мы были вознаграждены за это бессонной ночью.

Ангелина Карповна не была трудной в общении, наоборот, она к нему располагала. Ее спокойный, мягкий характер так и звал к беседе и откровениям, но в ней чувствовалась какая-то странность: то она замолкала посреди разговора, будто о чем-то задумалась, то неожиданно переводила речь на другую тему, но так как ее возраст предполагал наличие склероза, то значения этому я не придавала. Больше в ней удивляла меня поразительная правильность – она всегда знала, что хорошо, что плохо, и ненавязчиво нас в этом убеждала, мы пытались с ней поспорить, но быстро приходили к выводам, что она действительно права. Как она прожила жизнь в таких жестких рамках, сохранила свои убеждения, семью, трудно

было сказать. Я всегда думала, что женщины с таким характером навоят на мужчин жуткую скуку и раздражение, она должна была просто бесить своего мужа, а, судя по всему, они долго уже в браке, и вполне благополучном. Психолог в душе, я жаждала объяснений. Рассматривая Ангелину Карповну, пока она объясняла Катерине одну из своих жизненных позиций, я замечала в ней детали не только внутренней, но и внешней правильности. Ее фигура была не худой, не полной, прическа симметричная и очень аккуратная, одежда неброская, по возрасту и по ситуации, на каждой руке по колечку, жесты руками умеренные, как бы и есть, и нет, голос спокойный, мягкий, но не сюсюкающий. Рамки чувствовались во всем.

Тем временем Ангелина Карповна обмолвилась, что лет двадцать пять не ездила на поездах, не было необходимости, да и желания тоже. Катерина тут же подхватила эту тему, заинтересовавшись, почему вдруг такая нелюбовь к поездам у нашей спутницы. Ангелина Карповна долго молчала, и я уже решила, что она опять забыла, о чем ее спросили, но она с небольшим предисловием рассказала такую историю:

– Я непросто не люблю поезд, я его боюсь, и даже не самих поездов, как люди боятся машин, животных, я боюсь их интуитивно, подсознательно, так боятся болезни, смерти, бедности, одиночества. Думаю, что этот страх пришел ко мне в молодости, лет в тридцать пять, когда с моей подругой случилось несчастье. Сама-то я в браке давно и без проблем, живем мы всю жизнь в одном поселке, там жили мои родители, родились и выросли наши дети. Семья у нас дружная и счастливая. Но вот моей подруге очень не повезло. Вышли мы с ней замуж в одном году, детей родили почти в одно и то же время, только я нашла себе парня из своего поселка, а Тоня залетного, городского. Жила моя подруга недалеко, и мы часто встречались, то они к нам приезжали, то мы к ним, праздновали вместе и переживали. Мужа ее, Ивана, я недолюбливала, но молчала, у каждого могут быть свои недостатки, идеальных людей

нет, но Тонька его очень любила, души в нем не чаяла, мне даже казалось, что она детей своих обожает, наглядеться на них не может потому, что обе девчонки были очень похожи на Ивана. Жили они хорошо по тем временам, имели квартиру, машину, ездили отдыхать на море каждый год. Антонина долго не работала, сначала дети были маленькими, потом Иван не отпускал, потом нашла себе от скуки работу для души, как она говорила, но почти без зарплаты. Жизнь у них шла своим чередом, без особых ссор и разладов. Замечая, что подруга моя совершенно счастлива, я иногда завидовала белой завистью ее достатку и покою.

В то злополучное лето все их семейство отдыхало в санатории в Сочи, а ближе к школе двинулось в сторону дома вот на таком же поезде, ехали они в купе, и, как рассказывала Тоня, все были веселые, шумные, ничего не предвещало беды. В августе вечера уже прохладные, и на одной из станций Иван надел куртку, кепку и пошел покурить, собравшихся было с ним девчонок он не взял с собой, объяснив, что поезд стоит недолго, да и холодно на улице. Когда поезд тронулся, семья сразу не забеспокоилась, что папы нет, бывало, что он оставался на некоторое время в тамбуре, запрыгивал в другой вагон или заходил поболтать в соседнее купе. Минут через сорок младшая дочь заволновалась: «Мама, папы уже долго нет, я поищу его в вагоне». Возвратилась она грустная: папы нигде не было. Тоня тоже прошла по вагону, затем сходила в соседние вагоны – Ивана не было. Проводница видела, как Иван выходил, но не заметила, как он возвратился. Дали по радио объявление, Иван не появился. Начальник поезда успокоил Тоню: «Не плачьте, гражданочка, отстал ваш муж от поезда, деньги у него есть, не знаете? Ну, если есть – не беда, приедет вслед за вами». Всю ночь Тоня не спала, стоило задремать, снился смеющийся чужой мужчина, целующий чужую женщину. Не в силах выносить этот бред, Тоня села у окошка и до рассвета всматривалась в темноту, перебирая в мыслях всевозможные ситуации,

которые могли произойти с мужем, единственной мысли не пришло ей в голову, что он может ее бросить. Ближе к утру к ней пришла тяжелая дрема и снился уже другой, страшный, безнадежный сон. Разбудила проводница: «Дамочка, ваш муж уходил в куртке и кепке? Ну, точно он, его видели из соседнего вагона, он шел к станции, видимо, решил что-то купить, не успел обратно добежать, не волнуйтесь!» Тоня, уже уставшая от переживаний, только головой покачала в благодарность и стала собирать вещи, через два часа они должны были подъехать к родному городу.

Поднимаясь по лестнице с кучей сумок, семейство столкнулось со своей соседкой, которая, поздоровавшись, как-то странно посмотрела на них, но, ничего не сказав, прошла мимо. Тоня подумала, что Иван, возможно, приехал раньше их, он уже дома, что и удивило соседку. Позвонив в дверь, она все же полезла в сумку за ключами, но дверь открылась, и незнакомый мужчина спросил, что им нужно. Тоня повернулась к детям: «Девочки, у меня сильно болит голова, мы домой пришли или ошиблись?» Девчонки закивали головами и защебетали растерянно: «Домой, мамочка». Мужчина открыл дверь шире: «А, вы здесь раньше жили, проходите, объясните, когда вы заберете вещи, нам хочется переехать быстрее!»

Когда семейство расселось и разложило сумки в своей квартире, мужчина, обескураженный наивными, ничего непонимающими взглядами женщины и детей, спросил: «Нам, конечно, квартиру продавали не вы, а ваши родители, но я не знал, что вы не в курсе!»

Когда до Антонины, наконец, дошел смысл его слов, она спросила: «Можно, я от вас позвоню?» Мужчина в растерянности развел руками.

Трубку взяла свекровь, она долго рассказывала, почему Тоня не была в курсе продажи квартиры. Объяснялось это тем, что Ваня хотел сделать ей сюрприз, купить новую, большую, он должен был по приезду показать ее всем, он звонил вчера и велел приютить детей и Тоню, пока не вернется сам. Добиться, куда он сам подевался, было невозможно, родители ниче-

го не знали. Тоня и успокоилась, и обеспокоилась, такое поведение Ивану не было свойственно.

Несколько месяцев семья Тони прожила у родителей Ивана. Тоня вышла на свою работу, денег не просто не хватало, их не было, пришлось мыть полы в подъезде, убирать квартиру соседа и еще бог знает чем заниматься, но свекор ворчал, что они проедают его пенсию, а свекровь тихо плакала в уголке. На поданное заявление о пропаже мужа Тоне ответили, что поищут, но всех мужей, сбжавших от своих жен, не найдешь, прячутся они надежно. Обиженная Тоня в слезах кое-как добралась до дома, а там ждал новый сюрприз: мужик, купивший квартиру, требовал забрать вещи или грозился выбросить их на улицу. Пришлось перевезти все, что поместилось в квартиру свекра, а остальное распродать за бесценок.

Прошла зима в трудах, слезах и скандалах, все начинали привыкать к тому, что Ивана уже нет в живых, и виновны в этом деньги, которые он выручил за проданную квартиру. Как на Руси говорят: пришла беда – отворяй ворота. Свекор со свекровью, Тоня и дети свыклись с мыслью, что придется жить так, а не иначе, постепенно привыкали к другому образу жизни, к лишениям, к неудобствам, как вдруг грянул гром!

Ранним весенним утром Тоня, собираясь на работу, достала из шкафа свою самую красивую кофточку, которую не надевала с лета, сегодня был повод нарядиться – день ее рождения. Прогладив рукава и приступив к полке, она заметила шуршание в кармашке, достав бумажку и развернув ее, окаменела от ужаса. Записка была написана Иваном, в ней он просил прощения и признавался в том, что уходит к другой женщине. Внизу стояла подпись: «Твой Иван».

Медленно передвигаясь по комнате, роняя стулья и повторяя два слова «твой Иван», она прошла в гостиную и, сжав записку в руке, упала на ковер.

Появилась свекровь, стала трясти ее за плечи, бить по щекам и кричать: «Где Иван? Что ты знаешь, что скрываешь?» Тоня разжала руку и потеряла сознание...

Когда она вернулась из больницы, ноги не слушались, руки дрожали, но надо было идти на работу, и все движения постепенно восстановились, а вот разговаривать было не обязательно, мыть полы можно и молча. Иногда она и сейчас вдруг молчит часами, хотя давно все это забылось. Через некоторое время Тоня снова переселилась в поселок, там жили ее родители, было много друзей, в том числе и я, мало-помалу жизнь наладилась.

А когда девочки выросли, старшая дочь уже вышла замуж, вдруг появился Иван.

– И она его простила? – завопили мы хором с Катериной.

– Конечно, это было правильно, она ведь его любила и жалела, мы все не ангелы!

– Странная она женщина! Вот из-за таких женщин мужчины начинают думать, что они боги и им все в этой жизни позволено...

Катерина хотела продолжить возмущения, но Ангелина Карповна завершила разговор одной фразой:

– Нет, Катя, на любви таких женщин мир держится.

Ангелина Карповна молча стелила постель себе и мужу.

– Я лягу спать, устала... Василий Игнатьевич придет и, надеюсь, нас не побеспокоит.

Женский коллектив друженько разместился на своих полках. Катерина быстро засопела в теплой постельке, я долго вертелась, но тоже уснула.

Думая, что уже наступило утро, я быстро поднялась в постели, ударившись головой о верхнюю полку, упав обратно, я заметила нависшую надо мной неприбранную голову Ангелины Карповны, она шептала: «Женя, Женечка, он пропал, его нет в купе, уже два часа ночи! Господи, что же это за рок!»

Как могла, я успокоила бьющуюся в истерике даму. Проснувшись Катерина, свесив голову с полки, спросила:

– Ангелина Карповна, вам что, плохо, может, позвать проводницу?

– У нее муж пропал, пошел в соседний вагон и не вернулся, – объясняла я сонной проводнице.

– Господи, женщины, вы как ненормальные орете по пустякам,

сходите в этот вагон и приведите старика!

Мы с Катей посмотрели вслед уходящей проводнице и закивали головами.

Ангелине Карповне стало хуже. Мы терли ей виски, затолкали в рот нитроглицерин, наконец, после десятиминутной «реанимационной эпопеи» наша спутница открыла глаза и глубоко вдохнула воздух.

– Сходить за Василием Игнатьевичем? В каком он вагоне и купе, знаете?..

Ангелина Карповна молча покачала головой из стороны в сторону и махнула вправо ослабевшей рукой.

Ругаясь мысленно, я потащилась в ту сторону, куда склонилась рука Ангелины Карповны. В первом же купе соседнего вагона я нашла нашего пропавшего кавалера, азартно игравшего в карты с друзьями. Узнав, что жене плохо, он засуетился, быстро со всеми попрощался и безропотно последовал за мной.

Утром мы с Катериной после ночных трудов спали долго, как подобает уставшим людям. Проснувшись, я лежала, не шевелясь, боясь нарушить разговор наших спутников.

– Геля, ты что, расстроилась ночью из-за меня? Ты же знала, где я нахожусь, нельзя так, мы не в том возрасте, чтобы дергаться по пустякам, сердце беречь нужно.

– Я просто испугалась, думала, что уже очень позднее время, вдруг с тобой что-то случилось!

– Да что со мной случится? Что я ребенок...

Взяв со столика кружку, Василий Игнатьевич вышел к вагонному титану за кипятком.

Ангелина Карповна проворчала: «Тогда я тоже думала, что с тобой ничего не случилось, старый козел!»

Я еле сдержала смех: наконец-то Ангелина Карповна вышла за свои рамки!

г. Тюмень

Верхозина Наталья Владимировна родилась и выросла в Ростовской области. В Тюмени окончила медицинский институт. В настоящее время работает врачом в профилактории «Светлый».

Тюменская областная

Рахвалов Александр
Степанович, 1991 г.

Ефремова Людмила
Георгиевна, 1994 г.

Комаров Борис
Алексеевич, 1995 г.

Чернышов Артур
Васильевич, 1995 г.

Сафронов Вячеслав
Юрьевич, 1996 г.

Мешков Юрий
Анатольевич, 1996 г.

Захарченко Виктор
Иванович, 1997 г.

Ломакин Станислав
Константинович, 1997 г.

Молоканов Анатолий
Николаевич, 1999 г.

Захаров Аркадий
Петрович, 1999 г.

Худякова Вера
Викторовна, 2000 г.

Кравцов Александр
Борисович, 2000 г.

* Члены Союза писателей России

писательская организация

Сержантова Алевтина
Владимировна, 1998 г.

Козловский Александр
Александрович, 1998 г.

Дребзгов Олег
Алексеевич, 1998 г.

Зинченко Нина
Николаевна, 2000 г.

Шестаков Александр
Евгеньевич, 2002 г.

Селиванов Федор
Андреевич, 2002 г.

Строгальщиков Виктор
Леонидович, 2002 г.

Пионт Екатерина
Лаврентьевна, 2003 г.

Корабейников Виктор
Семенович, 2004 г.

Горбунов Сергей
Герасимович, 2007 г.

Огородников Виталий
Петрович, 2007 г.

Ольков Николай
Максимович, 2007 г.

Имена и год приема в СП

Станислав Золотцев

ФРАГМЕНТ ИСПОВЕДИ

...Я лишний человек
в литературе –
затем, что я ни к «левым»
и ни к «правым»,
ни к «ретроgrадам»,
ни к «авангардистам»,
ни к «западникам»,
ни к «славянофилам»,
ни к «почвенникам»,
ни к «прорабам духа»,
ни к «пишущим нутром»,
ни к «технократам» –
принадлежать не мог и не могу.
Чиновником не стал,
не стал богемой,
ни тем и не другим уже не стану.
Не принимаю никакую стаю.
Но – только в стае,
в замкнутом кругу

«НЕ ПРИНИМАЮ НИКАКУЮ СТАЮ...»

держаться может
на плаву сегодня
тот, кто избрал
своей судьбой словесность.
Иначе – одиночество,
безвестность.
А я самим собою быть хочу
и лишь самим собою, и за это
я самой дорогой ценой плачу...
г. Псков

✓ Николай Денисов
* * *

Одни, словно голые в бане,
У шаек своих и корыт.
А я в штормовом океане,
Мой путь направляет бушприт.

При хватке и мстительной силе,
Разбитой страны паладин, –
Поверил я в прочность –
Под килем! –
Торжественной мощи глубин.

И в небе я вижу поруку,
И к Богу иду, не беда:
С ним раньше по правую руку
Случалось сидеть иногда.

г. Тюмень

Виктор Козлов

* * *

Не могу себе как-то представить
«новых русских»
на Брестской заставе.

Я представить себе не могу:
«новый русский»
не сдался врагу,
А в плену –
не пошел на подлянку...
Партизанит?!
Зимует в землянке?..

Не могу я представить себе
«новых русских»
в смертельной борьбе:
чтоб огонь на себя,
чтобы смело –
жизнь отдать за народное дело.
г. Мегион

✓ Евгений Вдовенко

СУДЬБА

Нет, не все у нас
лица бледные, –
Враг Россию не всю загреб:
В ней остались не только
бедные,
Но и преданные по гроб.
Тюмень.
Конец 2-го тысячелетия

ФЛЮГЕРНЫЕ ДУШИ * ————— *

Евгений Нефедов

Интересное явление наблюдаю там и тут... Комсомола День рожденья отмечать меня зовут. Не подростки и не дети – люди взрослые вполне.

Что же, я готов отметить, но другое странно мне.

Средь гостей там – бизнесмены, власть имущие дельцы, именитые спортсмены, стихотворцы и певцы. Эти самые ребята – лишь проверки час пришел – из анкет своих когда-то исключили Комсомол!

Отмели и партбилеты, а в расстрельном Октябре за-таились тихо где-то в «реформаторской» норе. Есть у них теперь поместья, тачки, бабки, сытый стол – но раз в год, собравшись вместе, дружно славят... Комсомол.

«Не расстанусь с Комсомолом!» – все мы пели много лет. Был задорным и веселым незатейливый куплет. Но над Родиной промчался смерч – и высветил он враз: кто и вправду не расстался – кто расстался в тот же час!..

Я – остался. Не расстался с той судьбой и с той страной, над которой развевался Красный флаг, навек родной. И в душе моей не смолкла та эпоха ни на миг, где и мама комсомолка, и отец мой фронтовик.

Где поля с целинным хлебом, где таёжная заря, где

Гагаринское небо, где Советская земля – та, что стала жизни школой и учила – всех верней. Не расстался с Комсомолом – не растался, значит, с ней!

Кто расстался – что им песня? Им чужую дай дуду... Пели мы когда-то вместе, да не спелись, на беду. А быть может, и на счастье. Наша песня – не товар, не стезя к мошне и власти, не другой какой навар.

Эта песня – словно пламя в чаше Вечного огня. Эта песня – наша память о бойцах былого дня. Не забыты, не безмолвны их дела и их мечты. Не расстался с Комсомолом – значит, их не предал ты.

А расстался – что вдруг ныне воздаешь ему сполна? Иль какие-то иные вновь учуял времена? Нестыковка есть одна лишь: в Комсомоле до седин обращаются: «товарищ», а ведь ты же – «господин».

Ну, а если эту дату отмечаешь, не хитря, – что ж не празднуешь тогда ты день Седьмого ноября?... Эх вы, флюгерные души. Весь ваш клан неисправим. Отмечайте-ка уж лучше – маскарадный «хелувим»!..

«Завтра», № 44 (728).

Мартин Лютер Кинг:

«У меня есть мечта»

«...У нас есть все основания для оптимистичного взгляда в будущее – потому что то будущее, о котором я сейчас говорил, достижимо. Оно – не утопия.

Но оптимизм не равнозначен самоуспокоению. И поэтому завершить свое Послание я бы хотел самой тяжелой, волнующей меня мыслью – мыслью о том, что все еще может помешать реализации этой мечты. Ведь после того, как все внешние угрозы устранены, на первый план выходит угроза внутренняя. Эта угроза – безразличие и равнодушие.

Причем то равнодушие, о котором я говорю – пассивность, инертность, нежелание что-либо менять в своей жизни и повседневной деятельности – все еще свойственно и многим гражданам, и, к сожалению, отдельным представителям власти. Именно оно, прежде всего, мешает превратить нашу область в сплоченную команду, энергично создающую собственное будущее. Именно из-за него задыхаются некоторые общественные инициативы – и, наоборот, встречают непонимание инициативы органов власти, не подкрепленные силой личного убеждения, не сопровождаемые такой необходимой сегодня разъяснительной работой».

В.В. Якушев,
губернатор Тюменской области.
(Из Послания Тюменской областной Думе).
Октябрь 2007 года

Е. Кобелев. Буровой мастер

ОРЕЛ И СУРОК

НОВЕЛЛА

✂ Валерий Михайловский

Летит Орел в поднебесье, и с облачной высоты ему открывается огромное пространство, красочные горные вершины на фоне белых барашков-облаков. В разрывах белой ваты простирается огромная зеленая долина. Все, как на ладони. Шумит ветер в его крепком оперении, зорко следят глаза за всем происходящим там, далеко внизу. «Мне все видно, никто не знает такой красоты. Никому она не доступна» – думает он, кружа в высоте. Вдруг резкий порыв ветра швырнул задумавшегося орла, заломив больно крылья, чуть не опрокинул его. Спикеровал вниз Орел, спасаясь от шквального натиска и сел на Землю. Выбрал камушек удобный, прогретый солнцем, уселся поудобней, сложил уставшие крылья и начал уже дремать.

Вдруг ему почудился шелест травы. Он приоткрыл глаза и увидел сурка, пробегающего мимо. Увидел бы Орел Сурка с высоты, тут же камнем бросился на добычу, а тут на Земле ему хотелось только покоя. Земля ему силы дает. Он знает благодать земную. Сурок тоже не испугался. Вот заметил бы он Орла, парящего в небе, тут же юркнул в норку или притворился бы неподвижным столбиком. А тут, на своей родной Земле, дремавший Орел показался ему совсем не страшным,

и он остановился. Ему захотелось побеседовать с Орлом.

– Привет, Орел! – громко, как мог, поздоровался он. -

Молчит Орел, отвернувшись от него. Да и о чем толковать с этим Сурком? Что он видит в своей сурковой жизни? Дальше своего носа ему ничего не видеть, не то, что он – Орел!

– Здравствуй, Орел! – еще громче прокричал Сурок. – Поговорить с тобой охота.

– О чем с тобой разговаривать? Я высоко летаю, все вижу. Во многих странах бывал. Тебе не понять меня, Орла, – ответил тот и снова закрыл глаза.

– Ты с большой высоты обзрешь всю долину, а вот травинку каждую тебе не видеть. А я расскажу о каждом цветочке, о каждом стебельке. У каждого свой цвет, свой запах. Каждый по-своему щекочет меня, когда пробираюсь я сквозь их заросли.

Стал слушать Орел. Интересно стало: оказывается, большой зеленый ковер долины соткан из разных травок, из цветков.

– Я и сам знаю: вся трава зеленая, и запах долины доносится даже до самых больших высот, – все же возразил Орел.

– Пойдем по моей тропинке, я тебе

каждую травинку покажу, я тебя с каждым цветочком познакомлю.

Идут они вдоль ручья по горной тропинке, и удивляется Орел увиденному: каждый листочек свою форму имеет, свой оттенок, каждый цветок по своему красив и пахнет по-своему. Букашки маленькие прячутся в густой траве, каждый муравей своей работой занят, не обращая на путников никакого внимания.

Разговорились.

– А долина вдоль ручья далеко тянется? – спрашивает Сурок.

– Далеко-о-о! – протянул Орел. – До самых снежных вершин в ту сторону, и до самой большой реки в ту сторону, махнул крылом Орел сначала на Север, потом на Юг. – А куда цветы деваются? – спрашивает он в свою очередь у Сурка.

– Лепесточки их опадают, и созревают семена. Потом ветром их разносит по всей долине. Ты их видел: в конце лета белым пухом летят они ветром подхваченные.

– Да, я видел их... Вот, оказывается, почему и в дальних долинах встречаются такие же цветы.

И еще много интересного и полезного узнал Орел. С тех пор стали новые друзья частенько вести интересные беседы. И уже не говорил Орел, что ему не интересно слушать Сурка.

г. Нижневартовск

Тюмень литературная

ВЫСОКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Шлю поздравление землякам-тюменцам к 45-летию областной писательской организации! Сорок пять прожитых организацией лет, её плодотворный творческий путь говорят о высоком предназначении писательского слова. Даже в нынешний период времени, не всегда ясного, не всегда понятного, пугающего различными социальными экспериментами, невнятными нацпроектами и призывами...

О себе два слова. Первые стихи опубликовал я в районке Бердюжского района. Затем добровольцем ушел в армию (было это в 1944-м), прослужил 30 календарных лет. Не расставаясь с воинской службой писал книги, стал членом Союза писателей. Не терял связи с земляками. Было приятно узнать, что на родине, в Бердюжском районе, по инициативе поэта-земляка Николая Денисова, в селе Окунёво, селе поэтов – как его называют, три года назад был открыт первый в Тюменской области Литературный музей. Знаю, что о нем немало сказано хороших слов в областной печати, о его сельских энтузиастах, о его просветительской работе, особенно среди школьников. Держу с музеем связь.

Приятно, что чаще стал печататься не только в районке, но и в вашей писательской газете «Тюмень литературная».

Как член Тульского регионального отделения СП России, желаю писателям – моим землякам – новых творческих успехов на благо Родины и Тюменского края.

**Михаил Абрамов,
г. Тула.**

МУЗЕЙ ЖИВЕТ, РАЗВИВАЕТСЯ

...Да, развивается, благодаря заведующей музеем Людмиле Москвиной, её добровольным окунёвским помощникам, активистам, среди которых можно отметить Зинаиду Каргаполову и Людмилу Барышникову.

За минувший 2007-й год музей пополнился новыми книгами районных авторов, вырезками из газет, журнальными публикациями, также книгами тех бердюжан, что живут за пределами района, порой в дальней дали – во Владивостоке, Туле, Тюмени или на Украине.

Мы рады первой поэтической книжке землячки из Окунева Зинаиды Замякиной, три сборника своих подарил музею окуневец Виктор Долгушин, сейчас он живет в Ишиме.

Сам я не имею возможности издать книгу (впрочем, не претендую на столь высокий уровень), переплел свои рассказы и стихи «самиздатом», получилось вполне солидно. Отдал в музей. Пусть хранятся для потомков... Надеюсь, что найдутся и читатели. Ведь музей охотно дает заинтересованным землякам музейные книги «на руки».

Запомнились нынешние творческие встречи и мероприятия, в которых участвовали взрослые и школьники сел района. Также интересный был разговор с работниками Ишимского музея им. П.П. Ершова Надеждой Прокуряковой, Геннадием Крамором, редактором альманаха «Коркинская слобода», нашей землячкой Татьяной Савченковой.

Еще хочется отметить вечер, который собрал любителей поэзии Сергея Есенина. Произошел он в день рождения поэта – 3-го октября.

Все литературные мероприятия у нас сопровождается инструментальный ансамбль «Ретро». Артисты свои, окунёвцы, – С.Поляков, В. Поляков, В. Аверин, Н. Каргаполов, А. Замякин.

Новинка музея – краеведческий уголок, который привлекает любителей старинного быта сибирского села.

Тюмень литературная

➤ ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

В 2008 году планируем поставить памятник возле нового Дома культуры, то есть на месте разрушенной в советское время старообрядческой церкви, освященной в 1908 году. Там были похоронены первые священники. Что это будет за памятник, крест или камень, пока трудно сказать. Но хочется, чтобы каждый, имеющий в душе Бога, смог возложить цветы и преклонить голову у святого намоленного места.

**Николай Каргаполов,
с. Окунёво.**

НА ПУТИ НЕЗАВЕРШЁННОМ

...В семнадцатом веке порушенное Смутой государственное хозяйство выручали сибирские меха, по завершении века двадцатого (смутные десятилетия) выручали твердвалютные западносибирские жидкие и газообразные углероды. (И сегодня выручают! – ред. «ТЛ»)

К разработке и добыче углеводородов тюменские писатели тоже отношение имели. Самое непосредственное. Писали с азартом, порой толково – о формировании во второй половине XX века западносибирского нефтегазового комплекса. Творчески открывали уникальный, беспримерный освоенческий процесс и в публицистике, и в прозе, и в поэзии, и драматургии. Можно назвать эти работы «заказными». Но они, работы, то есть книги наши, соответствовали этому боевому, интересному времени!

Смута конца XX века, последнее губительное десятилетие в особенности, во многом отторгло писательское перо от государственных проблем и задач...

В наметившемся сегодня внимании властей к писателям есть позитивный момент: надо работать в изменившихся социальных, экономических условиях, но ведь на ТОЙ же земле! Скажу так: освоение Сибири есть факт далеко не завершившийся. Любое промышленное освоение есть, в конечном итоге, освоение культурное. Значит, и литературное. И никауда от этого не деться ни нашему брату писателю, ни власти, ни бизнесу.

В данное время возможности писателей, разделенных, к тому же часто прозябающих, забытых, еще раз скажу жестко, плохо или вовсе никак не реализуются. Ну, слышал из своего тобольского далека, что повсеместно происходит количественный рост разделенных писательских союзов. Но факт налицо: количество не переходит в качество. Оригинального, самостоятельного появляется все меньше. Незаполненное художественное литературное пространство наполняется вторичной «продукцией».

Сколько было у нас «штыков» литературных в семидесятых-восьмидесятых годах на тюменском горизонте? Не более полутора десятков членов СП. Крепких «штыков». И делали мы столько, что нынешней сотне «очленённых» и не приснится. Не хочу никого из коллег обидеть, но вижу: вновь нужен дух пробуждения, нужна общественная и государственная востребованность. Талантливые перья и сегодня отыщутся.

Припомню слова сибирского публициста Н.М. Ядринцева: «Дух старого землепроходства, дух пионерства, проторения троп не умер и до сих пор в русском народе». Сказано в 19 веке, но и к началу 21-го эти слова вполне подходят. При условии, что в обществе вновь возродится – не без помощи государственной политики! – этот русский подвижнический дух. У нас он свой, проверенный, – сибирский путь.

**Юрий Надточий,
г. Тобольск.**

➤ ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Наталья Грачева,
студентка Тюменской
медицинской академии

«Колокольный сзывает набат...»

* * *

Люди русские прошлых веков,
Ваши церкви – святыни для нас.
Миновала эпоха волков,
И настал созидания час.

Монастырские стены стоят
Сквозь махину времен
до сих пор.

Колокольный сзывает набат
Наши души в небесный собор.

И сквозь пламя свечей у икон
Мы услышать хотим Божий глас,
Возвещающий Божий закон
И, наверно, прощающий нас...

* * *

Черной кожей я дублию рассветы.
Как давно я не видала звезд
И не целовала силуэты
По Руси рассыпанных берез!

Как в тюрьме сижу
в своей квартире,
Даже не родной, а просто так...
Тень от люстры
давит сердце гирей,
И сжимает волю полумрак.

Голова в смирительной рубашке,
Отовсюду ропот и контроль...
Человек в толпе – почти букашка,
Но ведь кто-то будущий король...

* * *

Я покрасила белое в черное,
Крылья ангела канули в ад.
Я всё грязное, пыльное, сорное
Принимаю, как есть, всё подряд.

Ложь и подлость
заместо распятия,
Я в истоме, а, может, в бреду
Новый крест, будто новое платье,
Примеряю у всех на виду.

Пусть кончается длинная осень
И суставы заломит мороз...
Ах, лицом бы удариться оземь,
Чтоб пробрало до сердца,
до слёз.

Этот мир и кривой, и мятежный:
То течение, то волны, то мель.

Ангел слабый, доверчивый,
нежный
Превратился теперь в Азазель.

Мои мысли летают по кругу,
Им за солнцем уже не успеть.
Врать в глаза наилучшему другу
Я смогла, значит, надо терпеть.

Ах, душа, что же будет с тобою?
Я по-прежнему верю в себя.
Это глупо – мириться с судьбою,
Никого никогда не любя.

* * *

Рабам миражей и туманов
Без грез и обманов не встать.
Как стадо безвольных баранов,
«Halt Putin!» – мы будем кричать.

Кумира мы примем за Бога,
А вера окрепнет в тисках...
Забыли мы холод острога
И липкую кровь на руках...

Диктатор для нас – кнут и опий;
И часто он грезился нам,
Когда от свобод и утопий
Россия трещала по швам...

Рабам не доступна свобода,
Им нужен хозяин и царь,
Порядок есть счастье народа,
Так было заложено встарь.

А время идет по спирали,
Зов предков и громок, и зол.
Мы в смуту всегда призывали
Тиранов на русский престол...

* * *

Нас поглотит времени рутина,
Желанья и порывы канут вдаль,
И в юном сердце гибкая пружина
Оденется в сверкающую сталь.

И время потечет
сплошною массой,
Неделю, месяц и за годом год –
Брести одной и той же
нудной трассой
Под музыку житейских серых нот.

Бойтся каждый
вдруг зайти за грань

Нелепого общественного строя.
Мы краски жизни
отдаем как дань.
Чтоб только не принять
клеймо изгоя.

Потом, слизав
со сладостных седин
Свою отраду – лет ушедших бусы,
Мы внуков
между строк благословим
Прожить, как потребители
и трусы.

АЛЯСКА

Из поэмы
Аляска, славная земля,
Российская Америка,
Глядит, столетие спустя,
На нас с чужого берега.

Зачем мы продали тебя
За жалкие гроши,
Сказав: «Ты дикое дитя
Без денег и души!»

Как нам досадно оттого,
Что царь наш не открыл
Твоих, лежащих глубоко,
Золотоносных жил!..

А помнишь, прежние века
Под ликами икон
Твои баюкал берега
Наш колокольный звон?..

Твои просторы и леса
Воспел другой народ.
Твоя суровая краса –
Среда иных свобод.

Извечный девственен покой
Вдали от грязных благ.
И вяло вьётся над тобой
Американский флаг.

И В ДРЕВЕ СУТЬ...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Составляя поминовение за упокой, первыми в списке мама ставит имена Алексея – дедушки, которого она никогда не видела, и Агриппины – бабушки, которую около 20-ти лет новая власть мотала по ссылкам от Обдорска на Севере до станции Ляля в Свердловской области, где она и почилла в возрасте 72 лет.

В семейном древе со стороны мамы прадед Алексей Жильцов был церковным старостой в храме села Заводо-петровское Ялуторовского района, вел небольшое торговое дело, наезжая за товаром для своей лавки на Ирбитскую ярмарку. Имел свечной заводик...

Все дети (их было 5) получили гимназическое образование, и уже в советское время кое-кто из них работал в системе просвещения, как, например, бабушка Ираида Алексеевна Жильцова (учитель с многолетним стажем, награждена орденом «Знак почёта»). Другие, опасаясь репрессий, навсегда покинули Сибирь, среди них старший сын Алексей, закончивший реальное училище в одно время с Пришвиным. Его сын Евгений Алексеевич в середине 50-х переписывался с мамой из Лондона (служил в посольстве торговым атташе), но по каким-то причинам связь прервалась... Другие дети Алексея и Агриппины «потерялись» на просторах России, самый младший сын Ваня, с 18 лет находившийся с прабабушкой Агриппиной в ссылке по доброй воле, после её смерти уехал в город Краснодар. «Письма из ссылки» передала мне тётка, умершая около года назад со словами: «Если не надо, то я сожгу». Кое-что из предметов старины она раздала своим знакомым и краеведам, а мне достались письма и несколько фотографий. Дай Бог, что бездна времени не до конца поглотила память. Хочется добавить, что муж прабабушки Агриппины умер, слава Богу, до революции и не увидел всех прелестей Советской власти... Двухэтажный дом в селе Заводопетровском местные мужики раскатали по брёвнышкам...

Бабушка Ираида Алексеевна – мама моей мамы спаслась от репрессий тем, что вышла замуж за красного комиссара и директора техникума, моего деда, но это уже другая история...

А вот выдержки «Последних писем из ссылки» – 1939–1940 гг.

Из письма № 1 прабабушки Агриппины

...А у нас, что ни день, то и новость. Сегодня, то есть вчера ночью, в машине привезли с/п. (спецпереселенцев) с какого-то посёлка. Ну, натискали в квартиры человек по 12. До меня не дошли. Несколько посёлков освободили для панов. А может, Бог весть для кого, но посёлки освобождают. А мимо прошёл обоз подвод 20, уж не знаю куда.

... Дом был полная чаша. Куда это всё девалось?

Письмо №2 прабабушки Агриппины

Добрый день, милая Маня! Как живёшь моя голубка? А я живу не важно. Замучили меня очереди. Стаёшь в 4-5 часов и идёшь в очередь. Пытались и с вечера заниматься. Понятно, всегда запаздываю. Целый день трёшься в магазине.

А если б вы знали, какие безобразия готовы тебе раздавать?

Да, как видно, это делают для потехи. Ведь я в чужом гнезде. Тут все... народ злой, самолюбивый, упрямый.

А русских одна маленькая горсточка, семей 10 не наберётся.

А хлеба было мало, ну и безобразили.

А тут стояла я за сахарком... думала, что мне тут и конец будет. Долго меня жали, и всё же выдвинули в последние ряды, так что и сахару мне не досталось. Я сразу же заплакала.

Сегодня 5-й день, а я всё не могу отдышаться. Всё во мне болит: и спина, и грудь. Сегодня болит правое лёгкое. Всё болит или меня уже так измяли. А главное не могу дышать, но ты, Маня, ничего не посылай. Нынче гостей не будет, да Рождество и не празднуют...

Из письма №3 прабабушки Агриппины

Добрый день, милая Маня! Только что отправила тебе письмо и опять пишу. Ваня уехал в Свердловск, наверное, надолго с годовым отчётом. Ну и поработали над ним всей конторой до 2-х – 3-х часов ночи, наконец, кончили. Наш комендант не пустил, пришлось у... (непонятное слово – С. Г.) проситься, так как из Свердловска уже телеграфировали, требуя отчёта, тот отпустил без всяких разговоров. Как-то съездит мой милый, да как и я подомовничаю.

... Дров-то привезли пиленых, только не колотые, опять мне горе, да плюс ведь сырые. Так что головёшки всё тепло вытащат. А у меня и топора нет, украли, хоть не в топленой сиди. А я хожу, ничего сильно не болит, а вздохнуть никак не могу: живот обдутый и спина вся болит, но временами.... А душит-то постоянно. А вчера я с вечера брала очередь за сахаром, а утром пошла её искать, а она уже вся изменена.... Нашла женщину, которая была за мной.... Ну и помёрзла, раз 5-6 приходила менять пимы.

... И представь себе, передо мной стояла девка, ей уже не хватило, а вместо сахару я получила 2 кг ржаного рублёвого хлеба, вот и сахар мой улетел...

Из письма №4 прабабушки Агриппины

Зябла-то сильно, но не давили, так как комендант сам следил за очередью, его уполномоченный 2 раза слетал с крыльца, а в 3-й уже поехал за комендантом. Была выбрана женщина, которая знает семьи.

... Сахару бывало 5 кулей. А в тот месяц было 7 кулей, и тоже не хватило, т.к. брали по 10-12 кг на семью. Все домочадцы получили по 2 кило. Я выстояла, меня вперёд пропустила женщина, а то бы не получить и в этот раз. А теперь очереди с 9-ти часов будут. Сегодня заняла в 6 часов, а комендант всех разогнал.

Ну и с хлебом горе, но меня Ваня обеспечил...

Живот-то как обдувает. А наклонюсь, так еле-еле расклонюсь. Особенно тяжело дрова носить и ношу по 4 полена, а надо раз 5-6 сходить, так, чтобы на утро и вечер. Даже несуд ведро снегу, и то тяжело кажется. На мытьё снеговая вода, а на питьё – колодечная.

Никогда не слушала радио как теперь, то с фронта (финская война – С. Г.), то песни, всё и сижу у его. Ни дела, ни работы... Теперь опять пишу. Марок купила на 19 писем, теперь знаю, где живёт почтарка. Не буду жечь письма. Очки взяла у А.А. Да они ничего не стоят... С огнём-то ничего не вижу.

Недешево стал мне сахарок за прошлый месяц.

Письмо №5 дяди Вани

Добрый день, дорогая Маня! Извини за молчание... во-первых не могу ни на чём сосредоточиться. Что бы ни стал делать, ничего не делается. Живу в Свердловске, где работы на 3 дня, а живу вторую неделю. Случилось так: весь январь месяц я сидел по составлению годового отчёта и был дома с 3-х ночи до 9-ти утра, остальное время на службе.

28/1 я поехал с отчётом. Меня провожали Дыхне. Немного выпили вина (у мамы было припрятано). Оставил маму, судя по внешности, в удовлетворительном здоровье. 29/1 за отсутствием с собой некоторых документов приехал домой, где пробыл с мамой до 11-ти часов... Меня проводила в хорошем состоянии духа.

1/2 получаю в Свердловске телеграмму о немедленном выезде домой, но так как времени было 1 ч. ночи и поезд

уже ушёл, мне удалось выехать 2/2 в 10 ч. вечера и в Лялю приехал 3/2 в 8 ч. утра. Дорогой передумал всё: и что нас переселяют, гонят с квартиры или арест. О смерти мамы не предполагал. Приехал на станцию Ляля, меня встретил Коршунов, взял у меня чемодан, и пошли молча к лошади. И только дорогой он с осторожностью сообщил о смерти мамы. Войдя в дом, маму застал на столе убранную чужими людьми. 1/2 Лялька, девочка Дыхне, в 2 часа пошла в школу и по обыкновению маме понесла молоко. Дверь оказалась на крючке. Она заглянула в комнату и не увидела в ней мамы, а постель не прибрана. Побегав домой, рассказала, и в 4 ч. вечера с участием милиционера сломали двери и увидели: у печи сложенные дрова, наструганные лучины, открыта труба и мама лежит на полу ничком, грудью на ведре. Видимо, когда открывала трубу, в это время случился удар. Немедленно вызвали медицину, натопили печь и грелками маму согрели, так как в комнате был невероятный холод. Мама была без сознания и так умерла, не приходя в себя. Врач признал паралич половины тела. Поддерживали камфарой, но ничего не получилось.

В 6 ч. вечера 2/2 умерла в присутствии Анны Алексеевны Дыхне.

Хоронили не очень плохо. Попова приносила ладана, св. воды, веников на подушку, немного читали псалтырь. Маму положили в чёрной атласной кофточке и шерстяной чёрной юбке. Белого материала было достаточно, даже хватило на обивку внутри гроба. Хоронили 4/2 в 6 часов. Гроб везли на лошади, так как кладбище в 5 километрах и очень глубокий снег, и мороз был свыше 40 градусов. Был обед. Обедали 20 человек.

15/2 в Свердловске отпевал и отдал на сорокоуст...

Подав заявление в область о переводе меня в Свердловск, т.к. в Ляле вряд ли выживу.

Привет всем. Брат Иван Жильцов.

P.S. Фотографию мамы пошлю по приезде домой.

(До войны оставалось 1 год и четыре с лишком месяца – С.Г.).

ИЗ МАМИНЫХ ИСТОРИЙ

Дом купца Брюханова по улице Семакова в Тюмени был с широким крыльцом перед парадным входом. Неправдоподобно крутая лестница внутри здания одним крылом поднималась вверх, а другим, изгибаясь на 180 градусов, уходила в цокольный этаж, ниже уровня земли. Разумеется, окон там не было. Но зато в верхнем этаже были огромные окна и жутко высокие потолки.

В бывшем купеческом доме во время войны располагалась «контора» НКВД, а во внутреннем дворе здания была стена, в которой и сейчас без труда можно было найти следы от пуль – на высоте человеческого роста. Теперь это стена памяти жертв сталинских репрессий...

Старожилы, но и те по слухам, говорили, что во время войны этот дом посещал сам Лаврентий Павлович Берия.

Конечно, по словам поэта, «лицом к лицу лица не увидеть», и для маленького человека того времени Великий Инквизитор был просто государственным деятелем, хотя и с невероятными полномочиями...

– А правда, что Берия во время войны был у нас, ты не слышала? – спросил я однажды маму, ты ведь абориген, должна знать об этом скрытом историческом факте.

Маме слово «абориген» не нравилось, и она нарочно переспрашивала:

– Абориген, это кто? Индеец что ли?

– Вроде того, – подтверждал я.

– Ну и что, что Берия? У нас и иные пришельцы бывали...

– Мне-то что до них. Ты мне про Берию доложи.

– Вот прилип, ну ладно... Слухи такие были... Говорили, что ночами Он любил по городу бродить. Руки за спину заложит и прохаживается себе один от здания НКВД, на улице Семакова, до сельхозинститута по Республике, где лежало

Тело Ленина. Он ведь и приезжал сюда по охране ТЕЛА ВОЖДЯ...

– А ты что, видела Его?

– Зачем мне его видеть? Целыми днями на заводе вкалывала...

– Вообще-то я просто так спросил... А откуда ты знаешь, что он гулял ночами?..

– Я же говорю: слухи, сплетни.

– И что? Больше ничего-ничего интересного?..

– Интересного? – усмехается мама. – Да вся жизнь – сплошной интерес. Ремесленное училище окончила и работала фрезеровщицей на Дипе, станок такой – догнать и перегнать. Всё время на Доске почёта... Раз, правда, в НКВД забрали меня за спекуляцию. Вот такой интерес был однажды...

– Ты, что спекулянткой была в свободное время?

– Только один раз. Хлебную дневную пайку продавала на рынке, где теперешний Дом Советов. Девчонка! Хоть и война, а хотелось что-нибудь вкусенького взять, а денег не было. Достать и во время войны можно было всё, но цены неопишутые. Вот и продала хлеб... Держали меня в этой самой НКВД до самой ночи, всё разбирались, кто я и что. Стращали, что расстреляют, если врать буду. Я им честно рассказала, что бабушка была репрессирована, а отец – «сто лет в обед» – был продкомиссаром, но мама с ним давно не живёт, и работает учительницей.

Мне пропуск выписали и отпустили.

А улица Семакова, где была НКВД, пересекает улицу Республики, мне бы только пересечь её и дальше бежать. Мне даже сопровождающего с винтовкой дали, чтобы через дорогу меня перевёл. Он мне ещё говорит, чтобы я по сторонам не глазела, а быстро перебежала дорогу и «дула» дальше по Семаковой к дому. Но я, когда улицу переходила, повернула голову налево, туда, где памятник павшим борцам революции. Боже ты мой! И окаменела. Вся улица залита была прожекторами, как на сцене театра, а навстречу мне идёт Человек в шинели и в очках, по виду знаменитый артист. Подходит ко мне и спрашивает:

– Ты кто, девочка?

– Я? Я – Жильцова.

– А я Берия.

– Я знаю, я слышала, вы знаменитый! – не знаю почему, выпалила я...

Он очень долго смеялся, а потом хрюкнул:

– Нет, я не очень знаменитый, – и снова рассмеялся, и хохотал очень долго, запрокинув голову. – Мне понравилась твоя шутка, девочка, что я знаменитый... И твоя фамилия – Жиль-цо-ва, – он в медленной задумчивости расчленил фамилию на слоги.

– На слоги? Не может быть! – это уже я перемешивал время. – Раньше ты об этом не рассказывала.

– Не рассказывала, потому что это был сон, – облегчённо вздыхала мама.

– То есть, как сон? Сон? А чего ради мне этот сон?

– Сон-то, конечно, сон, но всё как будто вживую. Я еще, когда пайку продавала, была простуженная. А у них в конторе сидела, так совсем как в бреду... Очнулась я уже дома, в койке лежала, а времени прошло больше недели...

Мама мне сказала, что какой-то прохожий принёс её домой на руках, так как видел (шагал сзади), как она шла-шла и упала в обморок.

– А как он адрес узнал? Куда тебя нести? Как он узнал? – спросил я.

Мама пожалала плечами:

– Наверно, в бреду ему и сказала, хотя сама этого не помню. Такой вот странный сон... А может, это и не сон был. До сих пор не пойму.

– Чертовщина, – пожал я плечами.

– Бред, – согласилась мама.

г. Тюмень.

КОГДА ДУША СВОБОДНАЯ ПАРИТ

Литературному объединению при Тюменском отделении Союза писателей России около 20 лет. В данной подборке представлены произведения его постоянных членов. Дом писателей под своей крышей собирает на занятия лито людей разных профессиональных принадлежностей: преподавателей, библиотекарей, искусствоведов, профессиональных писателей, геодезистов, художников, врачей, музыкантов. Всех объединяет любовь к литературе, творчеству, художественному слову.

✓ **Виктор Захарченко,**
педагог

В ПАРКЕ

Когда пугающе чисты
и тротуары и газоны,
когда намокшие кусты
темны, как древние иконы.
Вхожу я в сумрак перемен,
гляжу на рухнувшие своды –
опустошение и тлен
как знаки высшей несвободы.
Как лёгкий воздух недвижим!
И как беспечна птичья стая...
Так отчего же мы дрожим,
к весёлой жизни прирастая?!

* * *

Россия мати!
Свет мой безмерный!

В. К. ТрEDIAKовский

В погибель Родины вращая,
перебираю имена...
О, что с тобою, часть шестая,
моя великая страна?

Россия мати, свет безмерный!
Когда тебя опутал враг?
Где тот погибельно неверный,
наш роковой безумный шаг?

Шумели радостно витии,
хлебнув свободы допьяна...
Опять повержена Россия!
Но вот восстанет ли она?

* * *

Часы уединённой тишины –
рабочий день закончен,
мы вольны
упасть на землю

и взлететь к орлам,
найти любовь с враждою пополам,
соотнести предметы и дела,
за красоту погибнуть в мире зла –
во всём свободны мы,

во всём вольны,
но нет нам краше
часов уединённой тишины,
когда душа свободная парит,
когда никто вокруг не говорит...

✓ **Ольга Данилова,**
врач

* * *

Отзвенела весна...
В ожидании лета,
Спит в лесу тишина,
В изумруды одета.

Но обманчив покой –
Солнце в облаке скрылось,
И по лесу волной
Дрожь листвы прокатилась.

Май отходит. Июнь
Направляется в гости.
Все, кто стар и кто юн,
Силы пробуют в росте.

Потемнела трава,
Тополек подрастает...
Жизнь вступила в права
И потерь не считает:

Отцветут те луга,
Что весну украшали,
И покроют стога
Те луга шалашами.

А потом и вода
В синий лёд превратится...
Это было всегда
И всегда повторится.

* * *

Вечер томно глянет в очи
И желанием томит,
Смутно душеньке, нет мочи,
Сердце любит и болит...

Синий сумрак мягко ляжет
На запястья Весны,
Ночь в задумчивости вяжет
Кружевные наши сны.

А колдунья – ворожея –
Многоликая Луна
Ляжет отсветом на шею
От открытого окна.

Прошепчу себе несмело:
«Полнолуние пережди»...
Мы, порой, не знаем меры,
Как осенние дожди...

Андрей Шевцов,
преподаватель ТЮИ МВД РФ

ТЫ ПОСЕДЕЛА, РУСЬ

Над полем – Русь,
в загашнике – тревога:
Зачем дожди в косые купола?
И кто-то пьяный, с мокрого порога
Дойдёт до поминального стола,

Утопит стопку в чёрном котловане,
Раскатит слёзы по кривой губе,
И кинется захлёбываться в ванне,
С хрипотой причитая по тебе:

«Ты поседела, Русь! Ты поседела.
И не виски твои, глаза – как снег.
Пока старели юноши без дела,
Твои ладони грели этот век.

Узоры, ветки, завитки и смычки
Впечатались в сердитые сердца,
Сплелись в груди, как рельсы,
перемычки
Ивана, Марьи, матери, отца»...

Без слёз моргает.

И в мозолях веки,
Хоть лад налажен и облюблен люд,
Мука с небес осыпалась в сусеки,
Гремит в геенне огненный салют.
Вошь вожделения...

Спасётся ль паства
От тонкой тени за худой стеной?
Как белый червь
на щётку лезет паста,
И дышит ночь обугленной спиной.

Ты поседела, Русь! Ты поседела.
Зачем дожди звонят в колокола?
Зачем душа без края, без предела,
Спит на углу дубового стола?

Никто не знает, отчего так грустно,
Ты отпусти, печаль,
нам надо, пусть...

Как свежий снег,
на сердце что-то хрустнет,
Зачем ты с нами поседела, Русь?

ДУРАК

Поймаю сон, зажму в кулак
и через речку брошу –
Бубнил на паперти дурак,
сняв с головы калошу.

Глядел на мелочь, будто царь,
и радовался свету.
Струилась огненная варь
с небес по силузту...

Ох, плавил воск родной народ,
лез с поцелуем в доску.
Дурак крестил открытый рот;
язык – как красный лоскут.

Сквозил засаленный армяк,
и сидя в талой каше,
Он кашлял – валенок размяк,
светило солнце краше.

Блеснул над колокольной крест,
и сердце отгорело ало...
Меж жёлтых луковиц, окрест
плыло сияние. Пылало.

*Егор Косин,
преподаватель вуза*

ШАРФИК

Как-то резко зима наступила
Мне на горло холодной ногой,
Гланды вздохом зараз ознобила,
Разыгралась с шеей нагой.

Сразу вспомнились мамы наказы:
– Если выюга затеет разбой,
Чтоб избежать простудной
заразы,
Ты укутайся в шарфик, родной!

Но куда задевался заветный?–
Ведь за окнами злющий мороз.
И застыл тот вопрос
безответный,–
Видно ветер-злodusа унёс.

А с простудой разладится график,
Вновь придётся глотать аспирин.
Подарите, девочки, мне шарфик,–
Успевайте, пока я один.

СЕЗОН ОХОТЫ

Цветом лазоревым
небо всё застлано.
Утро встревожила многогосица.
Утки спросонья
над озером заспанным,
Крылья срывая, зигзагами носятся.
Что из уюта гнезда камышиного
Их на крыло
вдруг подняться заставило?
Что их лишило покоя утиног?
Осень им шепчет
негласное правило:
Как позолота коснётся берёзовых
Листьев, что шелестом
уток баюкали,

Нет им приюта
и в гуцах розговых.
Полнится озеро
смертными звуками –
То называют охотой сезонною,
Страха предтечей,
судьбой поневолеюю.
Ствол вдруг взвизгивается
молнией чёрною,
Выплеснув с грохотом
красную молнию.

*Валерий Новиков,
искусствовед*

* * *

Под тары-бары о любви,
О благодной свободе,
О народе
Глашатая любви
Распяли на кресте.

Варрава,
С тех еще времен
Живет, ничем не удручен,
Помыт, побрит,
Безбедно сыт
И в волюшку
Гуляет на свободе.

Не он ли нам
С трибуны – о любви?

* * *

Моя
Бесперспективная
Андреевка ушла
С земли в небытие.
Безлюдье
И подернутые пеплом
Головешки.
Нет Малой родины,
Не будет и Большой.
И сколько бы ни жил
От этих дней –
Все за твоей спиной
Сума пустая.
В глазах – бурьян.
Остывший горький пепел
И головешки...
Головешки на ветру.

*Антонина Маркова,
библиотекарь*

МОЯ ТЮМЕНЬ

По тихим улочкам весной
пройтись попробуй –
у них особенный покой,
уют особый.

Здесь любопытен в окнах взор
простых гераней,

и петушинный разговор
на зорьке ранней,
здесь старина между домов
наколдовала
изгиб изящный куполов
Петра и Павла.
Когда-то вдоль по слободе,
прогретой солнцем,
летела тройка ямщика
под колокольцем.
А нынче колокольный звон
до поднебесья,
да соловьиная в садах
ночами песня...

БУЗИНА

Загустела к осени тишина,
опустел, нахмурившись,
старый сад.
вызрела до терпкости бузина,
ягоды чернильные чуть горчат.

Им у щедрой осени на пиру
есть предназначение лишь одно –
гроздь эти томные соберу,
пусть забродит-выстоится вино.

Ночи полнолунные напролет
буду мудрой знахаркой ворожить.
Пусть вино получится –
чистый мед,
чтоб тебя нечаянно опоить.

*Виталий Огородников,
геодезист*

ЛИТО

Не стоит ждать,
когда споят про нас
Кумиры чьи-то
в шлягере расхожем,
Себе мы сами выстроим Парнас
И первый камень здесь,
сейчас заложим.

На берегу проснувшейся Туры,
Когда поют колокола Тюмени,
Подножью нашей будущей горы
Отгрохаем певучие ступени!

Парнас – такая пёстрая гора
Из рифм и рук,
переплетённых тесно.
Поможет ненаглядная Тура,
Водой воскликнув:
«Здорово. Чудесно!»

И пусть у нас теперь поют без нас
Унылые, безрадостные блюзы –
Мы всё-таки построим
свой Парнас!
Горы-то нет, зато какие музы!

ТАЙНАЯ ЛЮБОВНИЦА ЧЕТЫРЕХ ДРУЗЕЙ

Р а с с к а з

Первая половина семидесятых годов минувшего века. Тюменская область – огромная строительная площадка. Во многих, вчера еще совсем глухих местах, удивительно быстро появляются новые города и поселки. После стремительно развивающейся нефтегазовой – поднимается лесная промышленность. Появление в северной тайге лесспромхозов связано со строительством железной дороги Ивдель-Обь. Три года как образован Советский район из безлюдных территорий Березовского и Кондинского, а самой человеческой жизни здесь лишь восемь лет. Население – одни приезжие. Все дышит свежестью и устремленностью в будущее. Крайний Север, экстремальные условия. В районе ни одного пенсионера. Как на войне. Поэтому жизненный период каждого смело можно назвать пылкими летами...

Что касается прекрасного пола, то состав его не ограничивается одними женами. Полно девушек и вдов. Об одной и пойдет дальше речь.

В парикмахерской бытового комбината чудодействует грациозная красавица Лира Ерохина, двадцатитрехлетняя вдова из Питера. Любой представитель сильного пола, от особой мужественных до величественных, хоть каждый день готов делать у нее прическу, подправлять усы и бороду. Нега очей пышноволосого мастера, легкая поступь, печать прекрасного на всех членах тела, свежесть, хороший тон заставляют ушаченно биться сердца посетителей салона, а некоторых повергают в безумие. Прелестница знает о своей неотразимости и при заигрываниях, услышав выражения типа «моя прелесть!», не проявляет нервозности, раздражительности, а, забавляясь и смеясь, отвечает на такое: «Я девушка свободная, но чрезвычайно робкая, боюсь сердечных ран».

Лира поет, играет на гитаре и мандолине, чудесно танцует, любит живопись, сочиняет и выразительно читает стихи, увлекается спортом. Конечно, с такими свойствами натуры девушка не могла миновать Дом культуры: имеет дружеские отношения с неформальной группой неистовых поклонников всех девяти богинь-муз, возглавляемой директором ДК, одаренным поэтом Глебом Грушко, и собкором окружной газеты Павлом Котовым. Первый прибыл в таежную глухомань из Свердловска, второй из Москвы. Лира участвует практически во всех домкультуровских кружках, посещает литературное объединение «Кондинские озера». Таежные аристократы духа и любители искусств, как и прочие волокиты, ищут общения с Лирой, втайне надеясь на посещение ее квартиры: не только, скажем, послушать в домашней обстановке игру отрады на музыкальных инструментах, но, не будем ханжами, с надеждой принадлежать друг другу.

Белокурая Венера поселка Советского относится к распространенному племени акселераток. А это значит – раннее половое созревание, проявление интереса к проблеме любви, пробуждение полового влечения... С четвертого еще класса девочка на этой «почве» начала изнемогать от сложных конфликтных переживаний... Мать Леры, одиночка, сначала проектировщица, а к завершению дочкой обучения в начальной школе – злоупотребляющая спиртными напитками уборщица на заводе. Она не могла удержать ребенка от ранней половой жизни. Наоборот, собственными беспорядочными связями с кем ни попадя, зачастую на глазах наследницы с золотистой головой, разожгла ее преждевременные соблазны.

Потом девочку забрала к себе родная тетя – директор музыкальной школы, очень поспособствовала становлению личности и развитию художественных вкусов девочки. Старшая родственница, собственно, спасла племянницу от по-

гружения на дно бытия, что случилось в конце концов с выпускницей университета – матерью Леры...

Павел Котов, историк средней школы Максим Царегородцев, заведующий отделом районной газеты Ринат Сулейманов, врач Владимир Рыжов сегодня в гостях у Леры по случаю ее дня рождения. Они подарили имениннице прекрасный японский магнитофон. Не в каждой точке Советского Союза мужчины в похожей ситуации могли бы это сделать, потому что наши герои на особом положении: Советский район получает некоторые вещи прямо из Страны Восходящего Солнца в обмен на поставляемую туда древесину. Кстати, гости хозяйки по той же причине одеты в куртки редкой красоты, поступившие оттуда же. И еще есть «изюминка» столь веселого дня: на праздничном столе двенадцать видов чудесного сухого вина. Советчане любят это питье и зовут его по-лесному – «сушняком». Есть кое-что и покрепче, причину чего объяснил Ринат:

– Набрал рислингов-ркацителли, стали выходить из магазина, а бык как фыркнет недовольно!

– Какой бык?

– Да зубр.

– Почему?

– А потому что не купили его... Пришлось вернуться: взять «Зубровки».

Павел Котов, когда все заняли места за столом, восклицает:

– Ну, что ж, за иссушающую сердца, изящную, угощающую, наделенную в избытке благодетельной силой Амура, нальем полнее! И будем хмельнее! И пустимся в пляс!

Пирушка разгоралась. Тосты не отрывались от основной темы, произносились с пылом:

– За веселую, белое ее тело!..

– ...творящую чудеса, пробуждающую сладостные чувства!

– ...действие Лириных чар, покоряющих сердца!

– ...хорошенькую хозяйку...нежность и трепет!

Девушка, хотя была моложе Павла да и всей четверки, не смущалась знаками внимания, устремленными на нее пристальными взорами. С легкой душой потчевала гостей кушаньями собственного приготовления. Ее прозрачная одежда и глубокие вырезы на ней не утаивали большинства сокровенных прелестей – шеи, рук, тонкой талии, упругости крутых груди и бедер. Мужская смелая и находчивая компания, красивые лица друзей, их ласковые слова, собственные юные лета, доброе вино и сладости возбуждали в ней блаженство. С веселым видом Лира спела несколько песен, развлекалась и развлекала, с каждым потанцевала во время оживленного ужина.

Беседа касалась разного, но в основном отношений между полами: проявления любви, такта, удовольствия обладания женщиной, даваемой ею отставки.

– В обычной человеческой среде, – сказал Павел Котов, когда речь зашла об адюльтере, – эта проблема разрешается брачными парами без неврологических и психических расстройств. В этом отношении могу привести любопытный эпизод из жизни одного своего столичного товарища. Собираясь в длительную командировку в какую-то дальнюю даль, приятель задал своей благоверной шуточный вопрос:

– Люсенька, а можно я там схожу в гости к неизведанной доселе усладе?

И она весьма любопытно ответила ему:

– Ну, Саша, если для здоровья, то почему же нельзя?

У самого Павла, развил он сию идею, такая же мудрая

жена Тамара. Когда он что-то писал дома, за его спиной шла беседа между нею и подругой Глашей. Та рассказывала, как общий знакомый, будучи обрученным, хвастался хаживаниями по «чудо-женщинам», на что жена знакомого возразила: «Если бы он гулял как свободный, да об этом никто еще и не знал...»

Понимала она, что к страсти можно охладеть лишь в преклонных годах, что есть какие-то особые обстоятельства, что у каждого своя слабость, что есть различия полов и, как бы не напрямую, но все же совершенно определенно фактически сказала для мужа: «Любить супруга можно при его развлечениях на стороне, но если он не позорит семью, если жена ничего не знает». В самом деле, в старину такое было принято даже у влюбленных и помолвленных светских юношей. А мужа, согласно «Кама-Сутре», встречались без общественного порицания с куртизанками, имея навыки покорения и побед над ними. К тому же необходимо учитывать психологию сексуального удовлетворения. Медикам известно, что при распитии бутылки водки на троих, что делается повсеместно, то есть при потреблении примерно 150 грамм «зеленого змия», повышается половое желание, направленное на многих женщин сразу.

Так рассуждал Павел.

А Ринат выдал такую реплику:

– Чем больше любишь, тем больше очаровываешься.

Владимир Рыжов пустился в рассуждения о захватывающем дух физическом удовольствии, свойственном природе человека:

– Нежная душа – это страстная душа. На такое не может быть моды. Наслаждение не родится из самолюбия или тщеславия. Лишь – из зова природы.

– Безусловно, – поддержал его Максим Царегородцев. – Отсюда буйство, заблуждения, порывы юноши и девушки к тому, чтобы заплыть, в течение долгой ночи сном не забывшись, изнемоочь. Платоническое нежное чувство в конце концов становится таким, когда удержаться не в силах. Недоступная дозволит себя любить. Наступает момент сверкающих очей, желанных губ, сплетений.

– А как лвы безудержного трепета думают насчет аборт-а? – спросила вдруг та, что была прекрасней всех.

– Мысль о нем, если он неизбежен, конечно же, оттолкнет даже склонную к удовольствиям даму и потушит ее нежные взоры, – ответил Сулейманов. – Особенно нерожавшую. Ведь, помимо боли, последующей быстрой утомляемости, бессонницы, у таких аборт затем может приводить к при-вычному невынашиванию беременности, фактически к бесплодию. И нельзя сбрасывать со счетов угрызений совести и чувства вины у женщины, которые может вызвать искусственный аборт. Церковь относит его к разновидности убийства. Хотя с точки зрения медицинской науки плод двадцати восьми недель от зачатия еще не жизнеспособен...

Павел Котов в развитие мыслей приятеля вспомнил, как сказал одной воспитательной подруге, что она, по его мнению, иногда думает детородным органом. И та на такой пассаж, по его мнению, ответила просто гениально:

– Если бы тебя, идиота, заставить сделать хоть один аборт, ты тоже стал бы думать нормальной головой.

...Заговорили о пьянстве «в плане любовных отношений», злоупотреблении... психологии опьянения. Согласились, что психическая и физическая зависимость от алкоголя, похмельный синдром отрицательно воздействуют на здоровье и поведение пьющего. В таком случае наступает деградация личности, возникают семейные и трудовые конфликты. «Бичи», которых полно по северам, – первое подтверждение тому. Алкоголь отрицательно влияет на потомство; не должно быть зачатия во хмелю, в таких случаях зачастую рождаются умственно отсталые дети.

– У верхних людей, – заявил Павел, – я думаю, таких детей больше, чем у трудящихся. Мне довелось работать в пионерлагере для детей и внуков государственных лиц, кого знает вся страна. И там я впервые столкнулся с по-

добным явлением. Например, мальчик союзного министра прибежал во время дневного сна в палату девочек, чтобы с нездоровым интересом стащить с какой-нибудь покрывало, а то и одежду. А его товарищ подглядывал за ними, когда те принимали душ. За всю свою жизнь ни в крестьянской среде, ни в рабочей я с подобным не встречался...

Потом в застолье заговорили и о браке – когда супруги проживают на далеко расположенных друг от друга территориях. Среди четверки в таком положении находился на тот период один Павел Котов. А жены Рината, Максима и Владимира были в Советском.

Наступил момент, когда погуляли, что называется, хорошо, попойка чрезвычайно раскрепостила милую всем красавицу, и она – ни малейшего смущения! – выдала что-то похожее на гром среди ясного дня:

– Всем пора отдыхать. Каждый из вас спит со мной, но я могу оставить только одного! – И четыре друга, оглушенные новостью, каждый надеясь на то, что выбор падет на него, замерли в ожидании решения госпожи. И милые губы произнесли: – Ночевать здесь будет Павел. Остальных отпускаю.

Друзья пошли спать по домам, Котов остался. Закрывая дверь, Павел сказал приятелям:

– Успокойтесь, ребята... У каждого своя ахиллесова пята. Есть и у нее, и у всех нас. Надеюсь, Лири больше не преподнесет сюрпризов? Спокойной ночи!

Потом, целуя глаза, губы Лиры, жарко шептал:

– Благодарю за милость, за твою любовь! Возляжем. Порадуем себя!..

Все четверо сегодняшних гостей Лиры Ерохиной, как сказано уже, были равнодушны к ней, более того, неожиданно выяснилось, являлись ее любовниками. И, выходит, если возвратиться к «Кама-Сутре», хозяйка квартиры в Советском, где не было борделей и тому подобных значных мест, как бы наследовала героиню знаменитой науки древности о любви и сексе. Она позволяла мужчинам пользоваться своими женскими услугами с целью удовлетворения их сексуальных и эстетических потребностей. Насколько же все в жизни человечества повторимо, стоит только в нее внимательнее взглянуть! Одно и то же явление природы проявляется в разных формах на протяжении множества веков, у всех народов, на любом пространстве, в совсем вроде бы непохожих обстоятельствах. Пожалуй, это объясняется тем, что человек никогда не меняется. Если бы он после возникновения приобрел или утратил хоть малую какую-то черточку, это было бы уже другое существо. Не железная ли формула его постоянства роднит все эпохи, каждого со всеми другими: жившими, живущими и, можно не сомневаться, с теми, кто грядет вослед современникам?

Как бы от имени любого из пировавших у Лиры Ерохиной друзей говорил лирический поэт Древнего Двуречья, живший пять тысяч лет назад:

*Пляшущая, руки вздымающая! Душу мою
веселящая! О, как я зову тебя!
Дороги твои да не исчезнут! Имя твоё
да будет вечно!*

А древнегреческая поэтесса Сапфо, жившая двадцать пять веков назад, словно бы раскрывала душу именинницы, празднующей свой день рождения в ханты-мансийской тайге:

*Твой приезд – мне отрада. К тебе в тоске
Я стремилась. Ты жадное сердце вновь –
Благо, благо тебе! – мне любовью жжешь.*

*Долго были в разлуке друг с другом мы,
Долгий счет прими пожеланий, друг, –
Благо, благо тебе! – и на радость нам.*

А Глеб Грушко, прознавший о приключении у Лиры, прочитал своему другу по Дому культуры и художественному творчеству стихотворение попроче:

*Совершенною Работой
Прозван вдовушками Котов.*

Советский – Москва.

Плюмень литературная

В МОНАШЕСКОЙ КЕЛЬЕ

Где только не заночёвывал, где только не искал приюта на своих путях-дорогах! В апартаментах звездной гостиницы, в не столь уютном, как иностранный отель, жилище, типа «дома колхозника» в сибирском райцентре, с непременно изголодавшимися по свежатице клопами. В романтичные, бесшабашные времена юности в портовом, пахнущем крысами и негашеной известью, ржавом железном контейнере – на пристани в заполярном Певеке – коротал ночь, припоздав из ресторана на последний катер, обходящий суда на рейде. Помнится ночь в снежной, звериной тайге возле коистра, когда на всякий случай нянчил в ладонях заиндевевшие от стужи стволы двустволки, заряженной жаканами на волка. Многое можно припомнить заветного, специально не сочиняя, беря целиком из жизни. И все станет не только правдивой предметностью, но и знакомым по этим приметам немалому числу бывалых людей – «аналогичным случаям».

В аскетическую монашескую келью, приют южно-американского святого католического храма в городе Баркисимето, попал впервые. И смею уверить читателя, что бывали в сей нештатной ситуации не многие миряне.

Тут бы и описать подробности кельи, какие встречались мне на страницах старинных романов – непременно при постных ликах молящихся праведников, черных клобуках и рясах, мерцающих свечках, Евангелии перед киотом, прочей предметности затворников монастырских, но рассказать в данном случае, даже тщательно оглядевшись в чуть живом и чужом полумраке, как-то не о чем. Ну разве что упомянуть о блеснувшей – в тусклом свете слабой верхней лампочки – глянцево-картинке Святой Девы Марии. Картинка прищиплена к серой неуютной стене клеем иль какими-то канцелярскими прищепками. И всё. Далее – голо.

Войдя сюда, взбодренными не слабыми напитками за недавним дружеским столом под загородными пальмами, разговорами, начиненными жаркими, как угли пышущего мангала, восклицаниями, ничему не обязывающими междометиями, то есть живыми и пространными беседами «под шашлыки» на этом загородном ранчо местного, успешного доктора Феликса, в прошлом красного боливийского партизана, соратника Че Гевары, мы, окинув взором стены кельи, тотчас заторопились устроить свой ночлег. И тут, наверно, каждый про себя сожалел, что не воспользовались предложением Феликса – остаться ночевать в его прекрасно обустроенном ранчо: теперь-то не жили бы в кондиционированной прохладе, на простынях – крахмальных и хрустких, от которых бы и более привередливые путешественники не отказались.

Да! В гостях у хороших людей хорошо. А решили блюсти независимость. Распрошавшись со сподвижником Че Гевары, его интернациональным семейством, в котором жена Лариса оказалась и русской и бывшей москвичкой, мы отважно сели в автомобиль, лавируя меж кустов, круто скатились в долину, накрытую уже прохладным туманом. Потом, выстреливая из-под колес галькой, песком, напористо – в завывании сильного мотора – лезли в гору, затем кружили по городу, останавливаясь, приставая с расспросами к редким, невесть как возникающим в ночи, проходим, терпеливо отыскивая это католическое пристанище.

На последней дистанции, на крутом повороте в ис-

комую точку, внезапно въехали в уличное дерево, благо, что зацепили правым бортом «фольксвагена» не могучий древесный ствол, а только разлапистую его «шевелюру» из веток и листвы, которые со скрежетом, по-медвежь, хватанули капот, наотмашь ударили в лобовое стекло, на счастье наше изготовленное в надежной германской стороне.

В келье мне достался пудовый пыльный матрас, с такой же нехилой, увесистой подушкой. Спальные принадлежности оказались начинены если не кирпичами, если не балластом из мелкодробленого гранита и щебня, коим присыпают в тюменской стороне вновь уложенные железнодорожные шпалы, то невыразимо долго бывшей в употреблении, сбитой до кирпичной прочности, ватой, обещавшей ну если не инквизиторские испытания, то уж точно ночку терпения невольного «мученика за веру». А к этой вере я вовсе и не принадлежал.

С натугой раскатав матрас на каменном полу, попробовал уснуть, терпя еще и жаркое дыхание не остывшей в ночи, близкой к городу полупустынной желтой саваны под названием Лослянос, которую приметил еще днем, при солнышке, въезжая в этот полустепной, оранжево-желтый от зноя, город. Занятно, что сторожили савану непривычно рослые для русского взора пластинчатого и округлого вида матерые стволы колючих кактусов, «горшечные комнатные растения», дивя экзотикой представителя не столь жаркой нашей, нормальной лесостепной равнины с речками, с ласково трепещущими листвою при ветерке молодыми березовыми колками.

Примечательно, что знойно-степное пространство по обе стороны дороги обозначилось еще и предлинными канавами, оврагами – следствие многолетней добычи замечательной глины, из которой в одной из пригородных деревень устроено прибыльное сувенирное производство. И местный базар этой деревни, туда пообещали мои спутники «заглянуть» непременно, привлекает многих приезжающих в Баркисимето, несомненно, и европейских туристов.

Запомнилась еще одна местная предметность, точнее – достопримечательность города: на просторной окраине его встретило нас изображение герба Баркисимето – огромной, взметнувшейся в небо железной вазы на треножнике, символизирующей единение Природы, Земли и Космоса. Подтверждением и оправданием этой «философской» символики, узнал я после, был не только промышленно-металлургический базис страны в этом городе, не только замечательные спортивные сооружения, но и единственный на всю Южную Америку жираф, обитавший в местном зоопарке, да огромной величины разноцветный попугай Гуакомайо, здоровающийся на испанском и сочно матеряющийся на русском языке.

К тем приметам надо б добавить еще один штришок: в окрестных горных долинах, продуваемых ветрами, замечательно растет виноград и в лавочках города продают на разлив домашнее вино, будто где у нас – в северокавказских пределах.

Мои опекуны и спутники – спортивное семейство Поляковых – Елена, Ваня и сам Миша Поляков, быстро возвели в келье сооружение типа просторного «плаца» из алюминиевых конструкций до сего момента разобранный монашеской кровати, рассчитанной на доброе отделение

(если применить воинскую лексику) служительниц веры. Поочередно опробовали ложе на прочность. И быстренько устроились на покой.

Русским спортивным наставникам венесуэльских чемпионов по легкой атлетике подобные походные условия, как все больше убеждаюсь в общении с ними, – дело привычное.

А в большой промышленный и спортивный город Баркисимето, куда прибыли мы, просвистев на Мишином авто сотни четыре километров от столичных улиц Каракаса, в сопровождении тренеров собралось множество атлетов на свои «панамериканские игры» и состязания. Специально обустроенные общежития для атлетов, отдельные стандартные домики для спортивного начальства, недорогие гостиницы занял нахлынувший сюда во множестве и белолицый, но больше чернявый молодой народ. Задействованными в обширном национальном мероприятии, куда обещал приехать и сам президент страны Уго Чавес, оказались и экзотические для меня кельи монашеско-церковной принадлежности.

К спортивным событиям в Баркисимето причастна больше Елена, жена Полякова, это она тренирует в Каракасе своих «ампутодо», «колясочников», слепых и даже – к моему ужасу – несколько «повернутых рассудком», коих в России мы привыкли обозначать намного проще, понятней: шизофреники, дебилы.

Ладно. Что уж там! Скажу пристойнее: в Баркисимето собрались спортсмены-инвалиды. И Елена Гончарова не просто тренер этих мужественных ребят, но и член какого-то большого спортивного не то президиума, не то оргкомитета.

Елена приехала первой. Миша с Ванюшкой, называя по мобильнику спортивной маме, в прошлом чемпионке СССР и Европы, снялись из Каракаса под выходные дни, когда Ванюшка свободен от школы, ринулись в путь – навестить, подбодрить, поддержать, прихватив и «гостя из России», чему я несказанно оказался рад. Новой дороге, открывшимся пейзажам, видам, невольным маленьким приключениям.

Где наша не пропадала!

Вспомним, подобьем «бабки» после сей поездки. А пока никак не опускается с глухих потолочных небес сон: какой ни попадя, но сон – на этом каменном, «святом» матрасе. Встаю, «шарашусь в потемках», как выразились бы в данной ситуации мои далекие окунёвские земляки. В тесном монашеском гальюне, в переплетениях труб и загадочных в них звуков, «знакомлюсь» с прозаическим помойным ведром, шваброй, обнаруживаю кран с водой. Что и надо. Испив теплой водицы, нащупываю створку окошка, сладчайше дымлю в неё «Мальборо», осознанно принимая на душу не слабый грех: знали б христоролюбивые хозяева заведения, какому богохульнику предоставили они приют! А деться некуда: табакую в святом месте.

Потом, при возвращении в Каракас, вспомнятся они, эти «монашеские» приключения, возможно, в ином каком-то свете. Наверное?! Типа промысла Божия? Не знаю.

Всецело вижу будущий этот вечер в «резиденсии» Полякова, характерные интонации голоса курганского земляка-контрактника. Они порой нарочито грубоваты при общении с дедами-эмигрантами, от чего деды «страдальчески» покачивают головами. Меня ж, похоже, щадит Михаил как земляка. Со мной – мягче, предупредительней...

– Ну так вот, сеньор Николая, слушай! На этот раз мы пропутешествовали аж два дня, – скажет Миша. – Вы-

Мы, русские, встретились в Венесуэле. Представляем города России: Курган, С.-Петербург, Барнаул, Тюмень

ехали в субботу утром 22 октября. А сегодня уже 23-е, вечер, воскресенье, и после душа, да за бутылочкой винца хорошо мы сидим! А? Мы вернулись, Николая. И это хорошо. Могли застрять, тут, на горных дорогах, бывают случаи, врагу не пожелаешь. Но все миновало. И удачно. Конечно, – как бы спохватится спортивный профессор, – сравнивать дороги России и Венесуэлы нельзя. В России они намного лучше!

– Ты это всерьез? Здесьние – прекрасные! – скажу я.

Миша кивнет, соглашаясь, а вслух продолжит:

– Венесуэла, Николая, – страна чудес. По этой чудесной стране мы проехали с тобой за два дня одну тысячу километров. Это мало. Чтоб узнать страну, надо прожить здесь не один месяц, не один год. Но мы встретились с людьми, которых я знаю немножко больше, чем ты. И ты разговаривал с ними, узнал частичку их тропической жизни...

Ты вот заметил про дороги! – вздохнет Миша, вскинув почти под «ноль», по нынешней новорусской моде, стриженую голову. – Скажу. По которой мы выехали из Каракаса, называется Асто Писто. Дорога к морю – к порту Кабейо. Через Валенсию и Маракай. Строил её все тот же, ругаемый демократами и Северной Америкой, диктатор Перес Хименес. Слава ему, перчику!

Ты помнишь, мы в относительной прохладе проехали всего девяносто кэмэ. Спустились в долину и температура с двадцати утренних градусов подскочила до сорока. Машина моя, когда я въезжаю в эту зону, начинает жаловаться, что ей жарко. А нам – тем более было жарче. Ты ж заметил! Ванюшка – тоже.

На скорости мы проехали Валенсию. Остановились, перекусили в поселке Бахие, в дорожном кафе. Пока перекусывали, изрядно замерзли. Кондиционер там, в кафе, зверски работает. Ничего. Зато тотчас, за дверьми, попали в сорокаградусную «сауну». Едем, обдуваемся ветерком в окошки, дальше. Я тебе не говорил тогда, что недавно на дороге чинили большущую дыру – глубиной в сто метров. Чинили долго. Мы ездили старой трассой, построенной еще при царе горохе.

Что еще? Проехали сквозь несколько тропических ливней, шедших полосами, и через большую аварию на одном из горных поворотов «курва»*, где видел ты, Николая, как опрокинулся длинный грузовик с бутылочной тарой. Перегородил путь. Простоял минут сорок. Недолго. Все путем, как говорится. Помощь тут приходит довольно быстро, поскольку через каждые пять-шесть километров стоит полицейская машина «полисия-реал». Полицейские тут не цепляются к водителям по любому поводу, как у нас в России, а поскорей «разгребают» пробки, вызывают

необходимую при авариях технику – краны, бульдозеры, медицинскую помощь, если требуется.

– Ты забыл про поворот на Бразилию, где красуется о-очень уж устрашающий знак!

– Это единственный путь к бразильской границе. От Каракаса до пограничного городка Санта-Елена всего-то 1352 километра. Там, за Ориноко, за Гран Саваной, заканчивается территория «нашей» Великой Колумбии, как при Боливаре называлась Венесуэла. В тех местах живет кочующее племя индейцев, которые едят людей. Как? Едят, да и всё! Как у нас соседи-казахи барашков едят. Индейцы-людоеды подкарауливают бледнолицых, смуглых тоже, отрезают голову, нанизывают на кол, тело зажаривают на костре. Работают эти ребята со своими луками и стрелами вдоль дороги в потемках, когда трасса не охраняется солдатами. Да и невозможно в темноте охрану устраивать. Потому есть правило – ночью проезд по бразильской дороге строго запрещен!..

Да, вот так и станется – в каракасской квартире Полякова, куда мы непременно возвратимся завтра, конечно ж, поздним вечером. Подъезжая к «резиденции», заглянем в один из круглосуточно функционирующих магазинчиков за парой бутылок легкого вина. Растянем наши разговоры за бутылочкой до поры, пока Ванюшка, завершив свои компьютерные игры, запросится спать. Ванюшке очень рано – в испанскую школу, где уровень знаний, как заметит папа Миша, «желает много лучшего». Но уж такой он здесь уровень, больше никакой. И мы, созываяем фужерами и скажем тост за какой-нибудь, разделяющий нас в Сибири Шадринский район, его замечательные в прошлом школы, где учился Поляков старший, затем тоже наострим лыжи на отдых на этом восьмом этаже «резиденции», за окнами которой будет еще долго кипеть ночная жизнь жаркого, в том числе и революционного, южно-американского континента.

...Итак, о соратнике Че Гевары. Так странно, что и о нем в недавнем гостевании в его доме размышляю под сенью монашеской кельи, заведении, где пристойней смирять гордыню, а не воспарять мыслями к именам борцов красного сопротивления.

Итак. Миновав дюжину просторных улиц Баркисимето, города, раскинувшегося на плоском пространстве, после многочисленных «блужданий» нашего авто по загородным дачным местам, поднялись на взгорок, где расположилось ранчо Феликса Хименеса, давнишнего знакомого и приятеля Михаила Полякова.

К слову сказать, нашу свиту, о которой Миша по мобильнику сообщил на ранчо, и где нас ждали, пополнил по дороге еще один соотечественник, тренер национальной женской команды по гимнастике Николай Сучилин. Курганский земляк, предупредив меня о новом знакомстве, произносил фамилию коллеги на китайский манер: Су-чи-лин. Что ж! И однако ж! Сучилин, мужчина средних лет, скорее, моложавый, плотный и сбитый телом, в прошлом цирковой артист, потом тренер сборной команды СССР по гимнастике. Живет в Баркисимето, тренирует местных девчат работать на кольцах, брусьях, на перекладине, вольным упражнениям на бревне и прочих олимпийских снарядах. До недавнего времени служил здесь вместе с женой. Она родила мальчика Васю. И сейчас мальчик Вася вместе с мамой уехали в Москву, оставив папу продолжать выполнять интернациональный и спортивный долг в дружественной России стране...

Предвечерье. Легкая тропическая прохлада. Большой каменный дом поместья на возвышении, уже сияющий электричеством. Ухоженные, в обрамлении кустарников

и цветочных клумб, тропинки. Густой сад. Просторный гараж с набором авто разных марок. Дворовые помещения, в воротах которых и встречают нашу свиту хозяева, занятые приготовлением закусок. Гора всевозможных овощей. Фрукты. Описывать стоит ли? Не буду. Но примечателен виноград. Здесь он свой, местный. Плантации в окрестностях Баркисимето, где подходящий микроклимат в долинах между горами, снабжают виноградом всю манговую и банановую, испаноязычную, с солидным вкраплением русского, райскую страну!

Прежде чем скажу о хозяевах ранчо, людях, как оказалось при встрече, знакомстве и рукопожатиях, достаточно поживших на земле, продолжу о приметах-деталях обширного подворья ранчо.

Дивимся птичьему «народонаселению». В проволочных загородках под пальмами – бойцовские куры, фазаны, медленно, с достоинством, расхаживают по своему пространству гуси. Важная пара. В другой загородке с земляным полом – пара встревоженных, этаких востроглазых овечек. Был еще и барашек. Перед нашим приездом пал под ножом, в разделанном виде находился теперь в объемном тазике – в спецрасоле – на грядущие шашлыки.

Сучилин здесь свой человек, поскольку тотчас, услышав о местонахождении недавно бегавшего в загородке барашка, занялся «штатными обязанностями» – мангалом, точнее, каменной печуркой под орхидеями. От печурки вскоре заструился пахучий дымок.

Ладно. Сучилин, как признается он потом в застолье за бокалом виски, который любит потреблять и североамериканский ковбой-президент Буш, во всех прошлых, еще эсэсэровских путешествиях с друзьями, во всех загородных пикниках, был на «кухонном посту». Так что и эти шашлыки – привычное дело для бывшего циркового «артистико».

– О, черепахи! О! – завосклицал Поляков. – Феликс, – окликнул он хозяина ранчо, – с барашкам понятно, а зачем тут черепахи?

– Для экзотики, Миша! Вся живность у меня для души, для увеселения глаз, не больше...

Феликс Хименес учился в молодые годы в Советском Союзе – в университете имени Патриса Лумумбы. Окончил медицинский факультет. Во время студенчества был главой «какого-то» студенческого иностранного движения. Активный и крайне революционный в то время, устроил в советской столице демонстрацию иностранных студентов, как Поляков говорил, «против чего-то и за что-то!». И его чуть не выгнали из университета. За своего лидера поднялись в Москве все иностранные студенты. Отстояли. Феликсу дали доучиться. Окончил он университет в 1972 году. Была у Феликса русская невеста, женился. Поскольку Лариса происхождения из семьи крупного не то партийного, не то государственного, но очень знаменитого в СССР деятеля (похоронен отец Ларисы на Новодевичьем кладбище!), уехать за кордон с иностранцем мужем власти ей долго не позволяли. Феликс хлопотал. Выхлопотал. Ну и кто-то сильно помог, заступился, возможно, что сам Фидель Кастро.

До учебы в Москве, юный Феликс Хименес вместе с братом Антони был в боливийском партизанском отряде, которым командовал пламенный Че Гевара, соратник Кастро по Кубинской революции. Миру известно, что партизан предали, устроили засаду. Отряд Че Гевары окружили правительственные войска. В бою погибли многие, Че и Антони попали в плен, были расстреляны. Феликсу довелось вырваться, уцелеть...

Сучилин успешно справился с шашлыками. И вот мы, за исключением Ванюшки, который все еще занят общением с черепахами и бойцовскими курами, сдвигаем наполненные хрустальные емкости: тост за Россию! Как всюду, как везде в Венесуэле, где присутствуют русские патриоты...

Лариса... Так и не запоминаю ни прежней фамилии женщины, не отчества москвички. «Зовите просто Ларисой!» Но как давно все было! Как давно. Разговариваем. А в разговоре – снег, русская зима, сетование легкое – здесь уж очень жарко для русского человека... Но мне-то интересно узнать – чем занималась в свою пору она в Москве? Я в те годы – шестидесятые и начало семидесятых – был тоже москвичом. Едва ли не коренным: военная служба, учеба в московском Литературном институте. Все вместе – почти непрерывные десять лет.

Когда узнаю, что Лариса работала в иностранном издательском отделе газеты «Красная звезда», едва не ликую: а вот того-то, того-то, это мои знакомые, не помните, может быть, общались? Не помнит. И не общались. Лариса была художником-графиком, причем, подчеркивает, в отделе иностранном, а это ж – не путь стать знакомцем того или иного поэта, печатавшегося в военном издательстве...

Но вот чета Хименес получила возможность выехать из СССР, но... в Соединенные Штаты. Посмотрев на Нью-Йорк и заново вскипев ненавистью к оголтелому империализму, семья Феликса решила перебраться поближе к Боливии. В саму страну возвращаться было опасно. Направились в Венесуэлу, поселились в пограничном, ближе к Боливии, районе, откуда простирал взоры и мысли свои молодой тогда доктор Феликс, ожидая новых революционных событий на родине, в надежде присоединиться к борьбе своего народа «за счастливое будущее, за свободу!»

– Прожил он с москвичкой Ларисой долгие семь лет в индейском вигваме, затвердив знания, полученные на медицинском факультете, родив сына, приехал жить и работать в Баркисимето, – скажет Поляков на будущем, то есть завтрашнем «чаепитии» за вечерним столом в Каракасе, когда вернемся из этой спортивной поездки «домой», – Феликс открыл свою успешную нынче клинику, построил ранчо, посадил много деревьев, воспитал сына. Сына мы не видели. Но я видел много раз. Звать его по-русски Антон, в честь погибшего брата Антони назвали. Он закончил университет. Прекрасно говорит по-русски. Подарил родителям внучку Кармен. Что еще? У Феликса, как у доктора, масса клиентов. Богатеньких. Бедных не лечит. Такова теперь селяви, Николя.

А еще несколько лет назад, в доверительной беседе со мной, из которой он узнал мою историю русского коммуниста, Феликс сказал мне, мол, вот победит на президентских выборах в Боливии «наш человек», поедем туда вместе поднимать на новый уровень медицину и спорт, и я, коммунисто Поляков, получу там землю, табун лошадей и все, что забрали у моего деда в тридцатых годах прошлого века курганские большевики. И вот тогда – полный вперед к победе коммунизма в Боливии! Феликс так хвалил свою страну, что я после трех бутылок виски, пообещал: поедем обязательно!

Через какой-то срок опять повстречался я с Феликсом. Как раз на его родине, в Боливии, произошел переворот, к власти пришел новый президент, но опять «не из наших». Феликс тогда с тоской, как бы извиняясь, посмотрел на новый свой большой дом, сад, плавательный бассейн,

сказал мне, мол, старые мы с тобой, Михаил, делать революции, давай лучше здесь, в Венесуэле, деньги делать. А революции пусть, мол, молодые совершают. Мы выпили с ним на брудершафт виски «Старая лошадь» – любимый напиток всех преуспевающих венесуэльцев, и я пошел спать, устроюсь на мраморной тропинке, ведущей к бассейну. А рядом, на подстриженном английском газоне, звенели местные кузнечики, сверху смотрело звездное южное небо с перевернутой Большой Медведицей северного полушария...

– А усадьба его, не по боливийским, а по венесуэльским меркам, какова на твой взгляд, Миша? – спрошу я, загрустив от чего-то.

– Скажу так: не столь, конечно, круто. Но для доктора – очень даже нормально. Он, конечно, не олигарх, но... в долг занимать, как мы с тобой, не пойдет!

Тоже ясно.

Но вся эта «ясность» наступит чуть позднее. Завтра. А теперь, нагруженный впечатлениями минувшего дня, громоздкой сумятицей ночи, все же сумел я провалиться под утро во сны – на этом комковатом монашеском матрасе.

...И вот. Внизу, в долине, в горячем тумане, послышались голоса, отрывистые команды. А мы сидим за шашлыками, нагруженные уже этим съестным и этим виски. И так осязаемо, Феликс, встрепетавшись всей своей грузной фигурой, сказал, что это появились правительственные войска, жандармерия. Обступают нас. Феликс передернул затвор винтовки, сказал, что пора делать революцию! Я ощутил прохладный ствол карабина «СКС», с которым не расставался на службе все три года, залег за ближайшим камнем, немедленно послав в жаркую полутьму первый выстрел. Толкнуло в плечо, верно, отдача от выстрела...

Бойцовские куры заполошно кричали и металась в проволочной загородке, на нее взобрался Ванюшка, размахивал красным флагом. Ванюшка успевал бросать во тьму что-то громоздкое, оказалось, черепах, они катились под гору, оттуда доносились глухие разрывы, ну будто бы в военных фильмах...

Провал, короткое забытие. И снова видение. Теперь уже почти совсем мирное. Ванюшка торчал у проволочной клетки с овцами, не овцами вовсе, а клацающими зубами болотными крокодильчиками. Сучилин орудовал над новой порцией шашлыков. От мангала несло жаром, разгоревшиеся сухие цепи бросали во тьму малиновые искры. Сучилин сказал, что он «на посту», а женщины пошли искупнуться в бассейне. Туда же ушел вооруженный Феликс. Поляков понуро сидел за столом при бейбольной бите, при опустошенных стаканах, торчащих в беспорядке среди тарелок с недоеденными салатами, смотрел в малиновое пламя мангала...

– Николя, как спалось? – надо мной стоял он, Миша, – Попей, у меня тут завалилась бутылочка «Кока-колы». – Хлебни! Чего-то ты кричал во сне... Еще рано, надо спать.

Спать я не стал. Оделся. Толкнул дверь кельи. Разобравшись в сплетениях «монашеских» коридоров, вышел под небо. В безлюдье утренней улицы резко пахло зеленью, асфальтом, машинным маслом. Там и сям дремали припаркованные с вечера легковушки. В узких окошках обители также держался еще сумрак и благодатная тишина. Над фасадом здания торчал укромный католический крест.

Каракас – Тюмень.

Тюмень литературная

Ребров Андрей Борисович. Родился в 1961 году в Ленинграде. В 1993 году стал одним из основателей Православного общества Санкт-петербургских писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание во многих русских святых местах и монастырях оказало большое влияние на творчество Андрея Реброва. Работал оператором газовой котельной, что позволяло заниматься и литературой. Печатался во многих журналах, автор нескольких книг стихотворений. В настоящее время главный редактор журнала «Родная Ладога». Секретарь Правления СП России. Живет в С.-Петербурге.

ПОЭТ

Забыты имена, истлели кости.
И ратные оратаны поля...
И вновь возрастают

 нивы на погосте –
С крестьянским вечным именем –
 Земля.

А он стоит средь нив,
 забыв про время,
И слышит битв грядущих голоса,
И, словно в Вечность
 брошенное семя,
Растет стихами к тихим небесам.

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только, вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

Взбранялись тучи над лугами.
Бугрилась пенно гладь озер.
И ветер рушился кусками
На воскресающий собор.

А он стоял несокрушимо, –
Ковчег средь хлябей временных –
Укрыв за стенами страстными
Озерных птиц и луговых.

Стоял – еще не возрожденный –
Небесным полон Бытием,

И стайки птиц, от гроз спасенных,
Уже пасхально пели в нем.

НА ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Еще кресты на западе видны...
Но гасит ночь его заката пламя...
И теплится над русскими лесами
Небесный свод
 библейской глубины.

И я иду к заветному востоку –
Туда, в глухие скитские леса,
Туда, где в душах кротких
 и высоких
Уже фаворски светят небеса.

НА ЗАКАТЕ

Кружится вран
 над старой бороздою,
Где солнца щит ржавеет в ковыле.
И небеса – красны, как поле боя,
Как поле битв, истекших на земле.

И на кресте заросшем и былинках,
На каждой пяди вечности –
 окрест –
Горят, горят дождинки,
 как кровинки,
Как кровь солдат, излитая с небес.

РУССКИЙ ВОИН

Он брел по жизненным просторам –
Как суждено: то – вверх,
 то – вниз...

И родовым глубинным взором
Вбирал намоленную высь.

Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, –
С библейской силой зерновой –

Как на стерне, возрастал живой
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.

Знать, Горней Родиной хранима,
Русь – под заоблачным крестом –
Стоит, как древний храм
 незримый,
На всхожем поле боевом.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

Преосвященнейшему Константину
епископу Тихвинскому
Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков,
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.
Шел чернец

 строкой незавершенной,
Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.
А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук

 цитов,
Посвист пуль,
 звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских
 стрел,
Лязг тяжелых танковых доспехов,
Трубный гуд

 страстных монастырей.
Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копье.

Сергей Абрамов

НОВЫЕ СТИХИ

Наш постоянный автор Сергей Абрамов – живет и работает в пос. Барсово Сургутского района ХМАО – подготовил к изданию новый стихотворный сборник. Публикуем подборку стихотворений из этой будущей книги.

ЛИСТОПАД

Слово-то какое – листопад,
Как молитва древнего аскета.
Лес, как бы пред кем-то виноват,
Что рядился в зелень среди лета.

На сосне поваленной сидеть
Хочется без цели и без дела,
Слушать повесть
многих тысяч лет, –
Как земля жила и как старела.

Листопад, молчание храня,
Покрывает тропы и тропинки.
Покрывает раны бытия;
Чтоб родились новые былинки.

* * *

Стареет мир. Грубеет слово.
Земля в морщинах бытия.
Стихия буйствует. И – снова
Хоронит мать свое дитя.

Он был расстрелян в шелоне,
Когда десантный батальон
Из той афганской дикой бойни
Спешил домой... разружен.

Уже летели телеграммы
В деревни, села, города:
Встречайте, едем, папы, мамы,
В Россию едем, навсегда...

В двух километрах от границы
Крупнокалиберная смерть
Достигла их. Уже не снится
Им дом родной, черемух цвет...

Какой душе послать проклятье?..
Но мать, на то она и мать, –
Она умеет только плакать
И не умеет проклинать.

* * *

Проходят дни, проходят ночи,
И блекнет все, что позади,
Как пара слов без многоточий,
Как горький стон: не уходи.

С закатом легче расставаться,
Он, может быть, еще придет,
А с прошлым? –
Нет, извольте, братцы,
Пускай оно в стихах живет.

СТАРУХА

Иконку старую достав из сундука,
Старуха краем глаза улыбнулась.
Протерла Образ кончиком платка.
Сидела, вспоминала свою юность.

Тогда еще, в двадцатых-то годах,
Ходили в Верхотурье богомолки
Тобольским трактом,
в кожаных черках;
По месяцу ходили, путь-то долгий.

И тятя на дорогу посылал
И девок, и мальцов с краюхой хлеба.
Он шибко богомольных привечал...
И на войне-то ранен даже не был.

Припомнила, как Пашка-хромоног
Кнутом полосовал ее на поле,
Но не забрал с колосьями мешок...
Бог так велел, наверное, ли что ли...

В артели лес возили на быках, –
Война была, коней-то не хватало.
А нынче возят все на тракторах...
В артели-то без глаза и осталась.

Поплакать бы о старом, пореветь...
Рука к платку невольно потянулась.
И снова Образок давай тереть,
И снова краем глаза улыбнулась.

СЕВЕРНОЕ УТРО

Мороз всегда покрепче и позлей,
Когда восходит зимнее светило.
И здесь, на нашей северной земле,
Ему дана особенная сила.

Неужто не дожидаться нам весны?..
Снега, снега – безмолвны и беспечны.
В таинственность леса погружены,
И кажется, что все так будет вечно.

А солнца луч над маревом тайги
Все минусы зимы не замечает,
Как, впрочем, и в вахтовке мужики,
Обильно раскрасневшие от чая.

«Урала» рев теряется вдаль, –
Там газопровод за седым болотом.
Пусть их судьбу Господь благословит,
Растает снег от пролитого пота.

* * *

Я еще не успел попрощаться со всеми,
Я еще не успел возвеличить покой,
А уж время торопит
в прохладные сени,
В безвозвратность торопит,
стоит над душой.

И саднят по ночам
незаросшие раны.
Злая боль под ребром –
ни трудов, ни молитв;
Неужели совсем я такой окаянный?..
Мне хоть пару бы чистых
и радостных рифм.

Мне хоть пару бы строчек
от ясного неба
С ароматом краюхи
из русской печи.
И святые слова о земле и о хлебе
Записать на былинной
странице Руси.

* * *

Время не ждет.
А как хочется много успеть.
Дел неотложных скопилось –
не хватит и века.
Надо допеть, долюбить,
дострадать, дотерпеть;
Надо свой стих дописать до утра,
до рассвета.
Да надышаться до радостной боли,
до слез
Запахом трав, не давая васильки
и ромашки.
Снова пройти босиком по деревне,
где рос.

Сердце оттает
от терпкого запаха пашни.
Время не ждет, помогает забыть,
что прошло.
Видно, душа не сильна
понести свои раны.
Что ж я опять вспоминаю
родное село?
Что же мне слышатся снова
рыданья тальянок?

РУССКИЙ РИСК

О книге Николая Денисова "Огненный крест"

Словесность – русская, по крайней мере – не делится на поэзию и прозу. Проза в стихах настоящего русского поэта присутствует везде, даже когда он о "небесных сферах" пишет, она – почва, родная земля, её жизнь, боли и радости его души. Жанровые определения тут ни при чем. Стихи и, скажем, повести – это обозначения всего лишь внутрилитературных видов творчества. Поэзия и проза же – не антиподы. Они единое целое Русского Слова. Когда художник пера словесности одарен от Бога (ну, кому не нравится, то от природы, от поколения предков, сие суть тоже синонимы), всё рождающееся под его пером является поэзией. Вплоть до кратких деловых заметок... Тем более, если собственно парнасский титул "поэт" подтвержден у него не записью в каком-либо документе и даже не томами стихов, а всей духовной сутью его творческой судьбы. Вот в чем еще раз дано мне было убедиться, когда читал книгу моего тюменского товарища по нивам морской и литературной...

...Риск – естественное явление и природное состояние в работе любого, кто хочет сказать свое, новое слово в искусстве, будь то искусство стиха или ваяния. У нас в России издревле риск творческий носит социальную окраску, но она же, как поэзия с прозой, сопряжена с нравственной. С такими феноменами, как "честь" и "мужество". С понятием "творческое поведение" (термин, введенный М. Пришвиным). Вкратце так: на Руси, как, пожалуй, ни в какой другой стране мира, художник, идущий на риск вроде бы сугубо художественный, нередко рискует и в социально-нравственном плане. Ну, в человеческом (скажем, в отношениях со своей "средой") – уже как закон. А то и головой, примеров тому в "истории мы тьму" видели. Свободой – тоже часто. Что Коля Денисов – парень рискованный, это я давно знаю, еще с советских давних времен нашей с ним молодости. Люди моря иными не бывают, а он столь же "морская косточка", сколь и писатель настоящий... Но "Огненный крест" проявил его глубинную и высшую способность к риску. К тому риску, которому трудно дать определение, разве что одно подходит – русский риск.

Не в том рискованность автора, что он говорит негативно о власти имущих, (в ельцинский режим сегодня кидают камни даже самые его верные былые

слуги), замечу, в 90-е Николай Васильевич в этом плане являл гражданскую смелость по самому крупному счету. И даже не в том, что и в госсистему, ставшую преемницей ельцинского режима, он тоже стрелы мечет... А вот в чем его русский риск, как это ни странно может кому-то показаться: в том, что в прозе он ничуть не меньше поэт, чем в стихах. В самой первой фразе этой книги:

"Проснулся в русском доме под иконами Богородицы и под двумя старинными тульскими самоварами, тускло мерцающими на полке своей зеленовато-желтой латуны".

Каково? Автор просто напрашивается на упреки как в литературном ретроградстве, так и в подражательности русским классикам начала минувшего века. А то и просто на издевательство щелкопера, промышленяющего пародиями. И объясняй потом кому-нибудь, что проснулся-то в доме соотечественника, живущего в Венесуэле... Я же как "въехал" в поэзию, в эмоционально-ритмический ряд этих первых строк книги, так и не "выезжал" до последней её страницы. И чуть не на каждой странице "Огненного креста" можно найти то, что можно было бы назвать "стихотворением в прозе" – но не надо так называть сии образцы: проза перед нами самая что ни на есть "твердая", изделие прозаика, создающего по е с т в о в а н и я (очень точно Денисов обозначил жанр книги!) Он подходит, и очень часто, к той самой грани, за которой может начаться пресловутая "поэтичность" – но не переступает этой грани. Более того, тут же делает эстетически еще один рискованный ход (как правило) – направляет ход слов в социально-политическую сферу, куда уж дальше от "поэтичности". Вот один из подобных, лично меня просто опаливших своим "яросердием" образцов:

"С малой моей старообрядческой родины написали об огненном знаменнии, которое приключилось двумя месяцами ранее, в конце августа. Налетел ветер, потом воссияла гроза. Все кругом взъерошила, потом сорвала несколько крыш со стоек – пригонов скота. Кинула огонь, молнию. Молния летела очень прицельно: попала в свежий зарод сена за огородом последнего, сохранившегося в строю комбайнера. Занялся зарод сразу и сгорел дотла. Хозяину нечем кормить корову. Плохи дела.

Пожары, поджоги множатся и по России. Война? Пока не крупно-

масштабная. Пожары заливают водой, а войну кровью".

Так ставить слово к слову – набросать в пламенеющей экспрессии картину природного бедствия, а вслед за тем органично «нырнуть» в словесную картину катаклизма державного – это надо уметь. Уметь отнюдь не только в смысле профессиональной умелости (хотя ясно, что без мастерства высшей пробы подобное не может получиться), «набитости» руки, нет – художническим сердцем надобно понимать, какие слова должны прийти... Сердцем, способным на риск, – не ради чего, а – во имя. Да, святое. Во имя России. И тех, кто хочет в ней жить по-человечески. По-русски. В том и беда наша, в том и риск творческий, что понимание этого у каждого своё. У бывшего воина, сражавшегося против Красной Армии, – вроде бы одно. А у бывших красноармейцев – вроде бы (тут даже нынешний словесный паразит «как бы» годится) совсем иное. И только русский художник слова, не боявшийся звать себя патриотом тогда, когда это слово было самым страшным клеймом в устах и под пером «демократов» и «либералов», может взять на себя смелость и ответственность в стремлении доказать, что ныне разница сия – лишь «вроде бы» есть, кажущаяся, а недруг у тех и у других ныне – общий. Те, что жаждут сделать Россию колониальной помойкой для ядерных отходов «золотого миллиарда» и сырьевой базой для него же. С населением миллионов в 20-30, не больше...

Да, «рулевым» нынешним, как Денисов сам не раз говорит в своей книге, плевать на то, что мы там про них напишем – да хоть изойдитесь проклятиями, писаки несчастные, вы же всего лишь часть «быдла» («овощи» – термин, принятый в среде высшего чиновничества), вот если ваши писания до маршрутов финансовых потоков доберутся, хоть даже всего лишь районного масштаба – вот тогда вас сразу увидит «цензор с оптическим прицелом»... Но – черт с ними, с властью имущими, именно он, нечистый, ему они служат. А вот что всерьёз – так это откровение автора, высказанное им в финале «вставочной новеллы» о ветеране гражданской и Великой Отечественной войн, с которым он был в молодости знаком:

«Примирение? Согласие? Не знаю. Но уверен: живи сегодня красной конник Аркаша Кеворков, он бы изрубил меня шашкой – за то, что я «якшаюсь» с наследниками белогвардейцев»

... Ну, может, и не изрубил бы, но уж самым лютым «конармейским» слогом (от коего, по мемуарам, не только Троцкий – Ворошилов поёживался) обложил бы с ног до головы. А, кто знает, мог бы и физически «повоспитывать» своего младшего приятеля, – мне навсегда запомнились старики кровавой московской осени 93-го года: кто с палкой, а кто и с костылем кидавшиеся на танки и БТРы, ведомые продавшимися генералами-ельциноидами... Не дай Бог доводить таких ветеранов до отчаяния! Всё могут!

Точно это утверждаю – ибо вот в эти минуты душой и кожей чувствую, как из куц заоблачных падает на меня... ну, пусть не брань, но крепкое порицание моего отца – вот за сии заметки, где я по-доброму, а то и с восторгом говорю о книге, в которой сочувственными красками выведены образы некоторых бывших власовцев и других участников Второй Мировой (к примеру, детей белогвардейцев, выросших в изгнании), сражавшихся не просто против «сталинского большевистского режима», но – на стороне гитлеровцев. Не мог бы спокойно и без гнева читать ни эти мои размышления, ни тем более книгу моего тюменского товарища человек, воевавший с июня сорок первого по май сорок пятого, а меж этими двумя датами два года проведенный в фашистском плену и не только в концлагере испытывавший на себе всю людоедскую мерзость предателей, но и потом, после успешного (седьмого) побега, пройдя сито СМЕР-Ша и вернувшись в строй, он вдосталь повидал кровавые следы зверств, оставленные бойцами, над которыми развевался трехцветный флаг армии Власова. (Отец и сломался-то физически именно после того, как власовский триколор был официально, ГосДумой, утвержден в качестве государственного – не могла этого вынести душа воина Красной Армии...)

Да и мне, признаюсь, заметен явный «перебор» в апологетике Денисова по адресу тех, кто, что ни говори, а в Великой Отечественной войне воевал не на отечественной стороне. Будь иначе – победа б выпала стороне иной. Она, Победа, всегда приходит к тем, кто сражается за реальное Отечество, даже если режим, в нем царящий, ему не по сердцу... Прежде всего поэту (а далеко не только вследствие предательства зарубежных союзников Белого движения) победил конармеец Кеворков, а не блистательный поэт Туроверов. И здесь, в обрисовке судеб тех,

кто разделил судьбу последнего, мой тюменский коллега – подобно целому ряду пишущих (в частности, среди них и наш с ним товарищ по морю Н. Черкашин со своими «иконописными» изображениями Колчака) – тоже нередко перехватывает по части позитива. По части «белых одежд» на белых воинах. Не так это, Коля! Сама логика Истории свидетельствует: ни в одной из гражданских войн, тем более в той братоубийственной гигантской бойне, что стряслась после 1917-го, никто никаких белых одежд не имел! Не мог их носить!.. Самое первое (и по сей день для меня самое точное) определение гражданской войны я получил еще в раннем детстве, когда спросил о том своего деда. Он «старорусского» закала человек, бывший в годы перед Октябрем и после него псковским мастеровым путейцем и хлебнувший ужасов как «красного террора», так и «белого», ответил примерно так:

«Это когда граждАне в одной и той же державе других граждАн в капусту рубят! А те – их, и весь корень тоже рубят. А те – их детву...»

... Так что – какое тут согласие, когда два товарища (и единомышленники в главном) в своих взглядах на один из болевых моментов Истории родной страны и то расходятся. И не может быть иначе, ибо у каждого из нас – своя судьба. И право Николая Денисова на его личную правоту должно признать нам именно потому, что его книга создана не холодным и отстраненным историком-социологом, а – Русским Поэтом. Человеком ярого сердца. Того сердца, в котором болит Русская трагедия, многогранная, начавшаяся век назад и длящаяся по сей день. Вот одна из её граней – эмиграция начала 20-х. Вот другая – поголовное истребление жителей сел и деревень на Тамбовщине Тухачевским, в Сибири – во время бедствия, заслуженно получившего титул «колчаковщины» (говорю это при всем моем преклонении перед научной и воинской доблестью адмирала). Репрессии 30-х. Почти миллион (по иным сводкам больше) «перемещенных лиц» в конце и после Второй мировой. И миллион человек, в основном русских, ежегодно вымиравших в наши, «мирные дни». А вы нам – о «согласии», о «примирении»! А ты, тоже наш давний и старший товарищ Саша Проханов, в разоренном дочиста и люмпенизированном начисто уголке моей Псковщины «крест Единения» с помощью «партии власти» поставил. Не может он единить никого из обездоленных людей с Абрамовичами и Чубайсами. Не может он быть крестом ЕДИНЕНИЯ, откуда есть Огненный Крест Русской Трагедии.

... И потому глубоко прав талант-

ливейший тюменский писатель, которму по судьбе выпало быть другом многих «русских венесуэльцев» и их потомков – прав, создав эту книгу. Ибо только художник русского слова может сегодня, способен в дни идущие брать на себя риск попытки разобраться в истоках, корнях и последствиях катаклизма, постигшего Отечество в веке прошлом и продолжившего до сего часа. И тогда (может быть) если не мы сами, уже седые и закоренелые то «коммуняки», то «почвенники», то просто «совки», то их антиподы – не мы, но дети и внуки наши поймут и увидят, с кем им единиться и примиряться. С теми, кто готов жизнь отдать и на труды, и на битвы во имя воскресения.

... Лишь бы только в пристрастиях наших к тем или иным именам и явлениям нашей истории мы не вычеркивали и не предавали забвению другие достойные имена. Да, и Туроверов, и Савин, и иные замечательные поэты должны занять свое место в славном ряду соловьев русского стиха. Но не должно, чтобы они «вытеснили» имена тех поэтов, кто в годы послеоктябрьских битв был на красной стороне – хотя бы волшебного Н.Тихонова. И даже юного воина Первой мировой Лебедева – будущего Кумача... Ведь никого же не «вытеснил» возвращенный читателям Гумилев.

Верю: эта книга – при всех возможных несогласиях коллег автора и читателей с теми или иными её страницами – станет почвой духа для тех, кто хочет видеть Отечество в его прошлом, настоящем и грядущем с воим и глазами. Кто выразит этот свой взгляд так, что это действительно будет взгляд подлинного единения ныне разрозненных сил русского народа... Бог весть, кто из ныне юных сможет это сделать? – ведь и впрямь у нас страна чудес, земля, где свершается то, что нигде больше произойти не способно. Не исключено даже, что это будет как-то вроде той девочки, которая, по словам автора, считалась в школе дебилкой (от пьяниц рожденная), а потом вдруг проявила феноменальные лингвистико-филологические способности. Потому что филология есть по главному смыслу – у нас в стране – любовь к Слову Русскому. Значит – к Русской Земле... Это должно произойти. Более того – это уже начинает происходить. И потому это запечатлено в генесе, в «зародыше» поэтом Николаем Денисовым:

Утро. И птицы летят.

Сыплется иней морозный.

Руки работы хотят.

Дух нарождается грозный.

Нарождается...

Псков, 2007.

Тюмень литературная

УДЕРЖИВАЮЩИЕ ДОБРО ПРОТИВ УДЕРЖИВАЮЩИХ ЗЛО

Ничего не понять нам в жизни, а значит, проживать бессмысленно и беспомощно, не творцом её, даже не участником, если подходить к ней не по-христиански, ибо Бог создал сей мир, Бог создал человека по Своему образу и подобию, поселил его в соответствующей среде и даровал свободную волю сыновства для сотворчества, для исполнения Воли Своей Божьей, для самоусовершенствования и принесения плодов Богу от дел Любви.

Для спасения своего творения, павшего во грех и рвущего связь с Творцом, пришёл на землю Спаситель. Одни приняли Христа Распятого за Бога, другие распяли и отвергли, заклеив себя клятвой: «и на детях наших кровь Его», третьих не затронуло главное Событие человеческой жизни, потому и потомки их – духовные мертвецы. В результате население планеты всей христианской эпохи стало трёхчастным: христиане, антихристиане и равнодушные к христианству, что определило все мировые социально-политические и религиозно-этические процессы.

Православные словом и примером учат «все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Антихристиане, продавшие душу дьяволу, пытаются совратить, «если возможно, и избранных». Цель жизни Божиих – спасение своей души и душ ближних, цель противников – увод из Церкви всех душ на поклон антихристу, на вечную гибель.

Сие противостояние верных и неверных, добрых и злых, благодатных и безблагодатных, спасающихся и злодеев – ключевое, которое является причиной всех других противоречий.

Правда жизни такова, что (и это один из признаков конца света) богоборцы ныне, захватив большую долю мировых богатств (рукотворных и нерукотворных), приватизировали и планету, назначая угодных Мировому Правительству глав государств, национальных лидеров-марионеток, руководителей ведомств. Надо согласиться с тем, что безнравственные силы планеты победили. Многие поры и вакансии государственных, силовых, информационных, религиозных и финансовых структур заполнили слуги дьявола. **Добро и здравый смысл, к сожалению, уже не оказывает глобального влияния на человечество, но из последних сил удерживает мир, сползающий к последней мировой войне, как закономерному результату антихристового управления.**

Противоположное отношение ко Христу сформировало и противоположные системы ценностей: православные очищаются от мира и стяжают благодать Божию, без которой нет Жизни и нет спасения бессмертной душе на пути в Отечество Небесное; антиправославные стяжают тленные богатства, строя рай земной.

Если земные ценности предполагают и обязывают приспособляться, то небесные – освободиться от человеческих пороков, ибо «ничто нечистое в Царствие Небесное не войдёт!»

Русские! Русский народ – ребёнок, не успевший извратиться и неспособный предавать, потому нас легко обмануть. Но «в немощи человеческой совершается сила Божия!», и Господь потому чистое Дитя избрал Народом-

Богоносцем! И мы, как дети, всё делаем искренне: горько – мы плачем, весело – смеёмся, несправедливо – устанавливаем русскую справедливость, долго терпим бесовский порядок, но порой быстро наводим порядок по-русски...

Но противостояние живущих противоположными ценностями на всех уровнях социума обостряется: богоубийцам дана установка готовить мир сей осквернённый к приходу антихриста, а к Боголюбцам приходит осознание своей вины и ответственности. **Разрешится ситуация «безпощадным Русским бунтом» или Третьей мировой – Бог весть, но то, что духовно и логически Божий мир существовать по сатанинским законам рынка далее не может, совершенно очевидно.**

Духовные вырожденцы у руля планеты возомнили себя богами и хозяевами судеб, переделывая здравый уклад земных вещей на свой человеконенавистнический манер, втаскивая народонаселение планеты в антихристианские условия жизни.

Когда духовные террористы захватили землю (после развала ими СССР) и подвели юридическую базу-обоснование своему законному праву на владение народами и всей землёй, тогда начали радикальную перестройку душ человеческих и самой жизни, задав качественный и количественный стандарт мирового раб-работы, способного без духовно-гражданской личностной лишь исполнять заданные социально-бытовые функции. **Стандартизация населения – это унификация души в религиозном отношении, или, проще, сатанизация его.**

Чтобы духовные очи не успели разглядеть заговор и технологию безумных властителей мира, и добро не смогло обличить вселенскую ложь и организовать, пойдя с крестом и мечом на зло, делается всё, чтобы не предавшие Христа продолжали оставаться бездеятельными, а то и перешли в скотоподобное состояние. Идиотами, боящимися маловерами и продажными всегда легче управлять, чем свободными от пороков личностями.

Следующая реальность правды состоит в искусственном правовом и материальном неравенстве человек. Становится ясной причина внедрения в сознания людей лженаучной идеи об обезьяньем прошлом «наших предков». Если наш Отец – Бог, то все мы – Его дети, что есть истина, но тогда мы все в равных правах на Мир Божий и друг другу являемся братьями и сестрами, что исключает возможность быть избранными, любимчиками у Бога и иметь превосходство над другими (не Богоподобными) сродниками. Именно для создания неравенства и права одних довлеть над другими, эксплуатировать их, бить и использовать как рабочую скотину и была притянута лженаука об эволюции, которая ныне сатанистов объявила Людьюми, а иных – «экскрементами», или «с душой хуже собаки или свиньи».

Сегодня процесс духовной поляризации подходит к своему кульминационному моменту, ибо структура нового мира полностью вытесняет богоустановленный порядок как с планеты, так и из сознания человеческого. Лишь «малое стадо верных праведников», следуя с крестом «в

духе и истине», продолжают сдерживать адские глобальные планы апологетов сатаны.

Весь мир превратился в помойку, а то и в выгребную яму в глазах Православных. На этой свалке непригодного и непристойного для детей Божиих остались ещё несколько церквей и монастырей, которые являются спасительными Вратами в Дом Небесный. Враг и их пытается умертвить антислужением, приземлить юридическими законами, погасить внушением неизбежности вхождения в мировой рынок, извратить кривоверием и шаманизмом, давлением «волками в овечьих шкурах», растворить в ересях экуменизма, – словом, «возродить» «христианство» без Христа и подготовить «христиан» к признанию антихриста своим богом, мессией, спасителем.

«Церковь Мою и врата ада не одолеют!» – сказал Христос, зная крестный путь Ея. Благодатные части разных юрисдикций, разбросанные по миру и дозревающие к «жатве», составят «Тело Христово», уходящее с земли, на которой уже «не найти ни в ком веры». **Обезблагодаченное, биологизированное киберчеловечество окончательно потеряет своё сыновство и перестанет даже быть полезным материалом – «навозом», на котором всегда произрастали плоды духа.**

Наши духовные противники из-за повреждений богочеловечности внутреннего мира своего неспособны воспринимать целостность мира, человека, обстоятельств, выделяя лишь мелкие детали, соответствующие мелочности их антихристовой природы. С пафосом говоря о деталях, они обличают свою духовную убогость, земнородность и безблагодатность.

Утратив корыстью целомудрие, они видят в мире только обломки, ракурсы, нюансы, не характерные для целого, но позволяющие им смаковать мелочи и строить выводы, соответствующие их барыжному сознанию.

При отсутствии страха Божия, по причине безмерной надменности и «богоизбранного» самочиния, они запросто влазят в чужую жизнь, в чужую семью, «под шкуру», копаются «в грязном белье», осуждают чужие поступки, не доходя, как всегда, до их мотивов, рассуждают над художественной ценностью иконы, пытаются найти источник мироточения, равнодушно перебирают мощи святых, с иудиной радостью находят зацепку, чтобы поглумиться, ополшить, развенчать, извратить, осмеять, нагадить, осквернить, растоптать, позлить, разуверить...

Условие их злодеяний – наше маловерие, невежество, порочность, отказ от собственного духовно-национального предназначения в пользу их материалистического практицизма, ведущего в эфемерный земной рай. Если православным Русским дать телевидение хотя бы на день, чтоб объяснить, кто есть кто в мире и стране нашей, что в ней творится и куда нас ведут, то все внушенные народу фантазии на темы «демократии» рассеялись бы, как дым. И не было бы им, «демократам», места в креслах и возле кресел Русской Боголюбивой власти!

Милостью Божьей, ежедневными испытаниями и всенародными страданиями Россия стала Третьим Римом, Домом Пресвятыя Богородицы и Храмом на земле для спасения всех спасающихся. Русский Народ – Хранитель святого Православия, единственного Пути в Обители Небесные.

Но сегодня нужен Удерживающий зло, каковым дано быть Самодержцу Всероссийскому, Царю Православному, Отцу Народа Божия, несущему особую Благодать хранения и несения чистоты Веры! «Не есть Власть, яже не от Бога!» И кроме Помазанного честью быть Властью от

Бога никому не даётся! «Демократия в аду, на Небе – Царство». Бога никто не избирает на срок! Через Царя Сам Бог управляет!

Отсутствие Царя – причина неимения прав и власти у Русских в собственной стране. **Наше нежелание жить по Заповедям Божиим даёт возможность врагу управлять и иметь «эту страну»!**

Их, богоборцев, СМИ и их культура ныне направлены на то, чтобы братьев и сестер во Христе Иисусе низвести искусственно всеми имеющимися средствами до животного состояния и убедить себя в превосходстве, что само по себе говорит о клинике состояния. И результаты их деятельности начинают угрожать всей человеческой цивилизации, но им уже не остановиться, потому что они, отвергнув Христа, стали безвольным орудием дьявола.

Движение за вожаком стаи у богоборцев не обсуждается, поэтому они легко добиваются своего, даже смены правителя и курса страны, которую они заповолили. А так как они не ищут Бога, то их коллективный бог – они сами со своими захватническими целями и соответствующими аморальными средствами.

Мы все живём в канун осуществления последних пророчеств о «воцарении антихриста на 3,5 года». Сценарий апокалипсиса разыгрывается на наших глазах, но кто мы в этом спектакле: молчаливые мученики за Христа, предатели и участники последнего распятия последователей Христа, сторонние наблюдатели?

Сумасшествие наступает медленно и незаметно для всякого сходящего с ума. Отступление от Закона Божия – безумие, ведущее к полной утрате благодати, связи с Богом – с Жизнью! «Аз есть Путь, Истина и Жизнь!» «Кто не причащается Тела и Крови Христовой, не имеет в себе Жизни!» и «не войдёт в Царство Небесное!» Где брать сил и мудрости Русским, если не в Таинстве Таинств!? Кто нас может объединить, если не Бог!?

Тьма ныне пала на все уголки великой России, вошла в каждый дом, проникла во все наши души, чуя своё торжество. Но мы должны отряхнуться от дремот гибельных, покаяться в расслаблении и нерадении, причаститься в Жизнь Вечную и... взойти каждый на свою Голгофу, которые вместе и составляют Русский путь в «Дом Отца Небесного»? Сумеет ли?!

Уход с Поля Боя Божьей Правды – возвращение в смерть, и уже навечно. Господь лишь ставит резолюцию на добровольный выбор Своих детей. **Соборный выбор Народа Русского определит финальную историю человечества, призванного ценой крови Христовой войти в Царство Небесное.** Нежелание объединиться для исполнения заповеданного ускорит плачевный исход нас, лукавых вырожденцев.

Логически нам уже не подняться из ямы, которую мы сами себе выкопали под руководством богоборцев за пределами их системы материальных благ, однако мирская безысходность есть начало христианского выхода чудесным образом, ибо «Бogu всё возможно», если Мы Его об этом Чуде попросим!

Радует, что всё больше моих соотечественников осознают, что нет у нас другого выбора: **Крестный Путь – Русская Дорога! Мы не можем жить иначе, кроме как заповедовал нам Христос Бог Наш, то есть свято! Путь грешный не для нас!**

**В. Ермолаев,
безработный.**

ИРОНИЧНЫЕ СТРОКИ

Леонид Ткачук

ЧИСТАЯ ПРАВДА

*Я шел по Тарманам
С набитым карманом –
Получка недавно была.
Но сзади напали.
По кумполу дали.
И звездами ночь расцвела.*

*Стучат в мои двери:
Глазам я не верю –
Детина небритый стоит.
«Такое, вот, дело,
Мол, совесть заела
И спать не могу», –
Говорит.*

АВАРИЯ

*Вода исчезла, как ни странно.
Сочились слухи, что по плану
Напоят всех до одного.
Сочились слухи, но из крана
Не просочилось ничего.*

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ

*Енералам наплявать –
За кого нам воявать!
Лишь бы баксов отвалили,
Лишь бы денежек урвать.
Подпиши мне только чек –
Будешь милай человек.
Для тебя с землей сравняю
Даже собственный ночлег.
На кафтан навесь звезду –
За тебе в огонь пойдю!
И в сражениях геройских
Пол-Расеи изведу!
Генералам наплевать
За кого нам воевать...
Ать! Ать! Ать!
Вашу мать!..*

*Среди паутины и пыли
Я долго томился в углу.
Нашли. Причесали. Умыли.
И вот приглашают к столу
И ждут, поднимая бокалы,
Высоких, торжественных слов...
Но праздновать я не готов –
Душа угловатую стала.*

ИГРА СЛОВ

*Им возмущаться не с руки –
Они глотают языки.
Нам возмущаться не с руки –
Мы проглотили языки...*

г.Тюмень

ТЮМЕНИЗМЫ

– С чего, говоришь, сошел?
– С ума.
– Не было у него такого.

– Надо клевету распространить...
– Где я клевету-то возьму, когда
все это правда?!

– Раньше были героические тропы,
теперь героиновые.

– Это животное представляет опас-
ность, оно может перегрызть провод.
– Сборщики металлолома киломе-
трами их перегрызали...

– Подумайте о будущем...
– Мы уже столько думали о буду-
щем, вкладывали что-то в него. Теперь
оно вроде пришло, а мы... обманутые
вкладчики.

– Ну как, вылечили от алкоголизма?
– Еще как вылечили-то! Напиться
не могу.

– Цены до того освободили, что
хоть за решетку их сажай.

– Во всех газетах голые бабы.
– К бане. Разделись, значит, мыть-
ся собрались.

– СПИД напал, сплю и сплю целый
день.

– Ты понесешь ответственность.
– Сначала хорошо упакуйте.

– На мне весь мир держится.
– Ничего на тебе не держится,
даже собственные волосы.

– Демократия – это когда одному
всё, а другому фига. И та где-то в Из-
раиле.

– В лифчик положить нечего.

– Как жизнь течет?
– Как застойный период закончил-
ся, так все течет и течет, остановиться
не может: то воры, то вонюки, то по-
литики...

Нина Кречетова

ГОРЕ

Маршрутный автобус только что ушел.
И на остановке никого не было. Следую-
щий автобус должен был пойти по распи-
санию через три часа...

Проголосовать? Может, и подбросит
кто до города? Останавливала моя экипи-
ровка. Старая штормовка, выдавшие виды
штаны, облезлая сумка, предназначенная
для дачи. Словом, почти – бомж. Но ис-
пытков – не убыток, и мир не без добрых
людей.

Стратегия моя сводилась к следу-
ющему: буду поднимать руку только тогда,
когда увижу, что в салоне автомашины нет
пассажиров. Наконец тормознул «жигуле-
нок» седьмой модели. Мужчина предпен-
сионного возраста открыл дверцу, рукой
показал на место рядом с собой.

– Не боитесь подсаживать незнакомых
людей?

– Не боюсь, – спокойно ответил во-
дитель, – я разбираюсь в людях, мне до-
статочно посмотреть на человека, чтобы
определить степень опасности, исходящей
от него.

– Интересно, и кто же я?
– Вы похожи на бомжа, но это эпатаж,
не отражающий вашей внутренней сути.

Мы помолчали. Через какое-то время
впереди – на дорогу – вывалила из леса
компания молодых людей, весело раз-
махивая рюкзаками, давая понять, чтоб
шофер остановился. Проехали мимо. Во-
дитель спокойно произнес:

– Мои сыновья также с походов на
природу, на дискотеки начинали и закон-
чили уже свой земной путь.

– Как так?

– Очень просто: сначала старший сын

стал наркоманом, и его нет уже четыре
года. Передозировка. Младший, как мне
сообщили, лежит в морге, умер вчера. В
понедельник поеду забирать.

– Как вы можете так спокойно гово-
рить, а почему не сегодня, не сейчас?

– Сегодня Святая Троица. Три ипоста-
си или Лица Пресвятой Троицы: Бог Отец,
Сын Божий и Дух Святой... Эта ипостась
прервалась в нашей семье, и, видимо, я
виноват в смерти своих сыновей.

– И все же я не понимаю вашего спо-
койствия...

– Мил человек, я – военный, прошел
Афган, Чечню, всего посмотрелся... Но
противоестественно, когда дети умирают
раньше своих родителей... Наверно, тра-
гедия сыновей – это за грехи мои тяжкие.
Но что происходит в России! Всюду...
Представьте себе: старший сын учился
прекрасно, и из 17 мальчишек в их классе
12 уже нет в живых. Наркоманы. В клас-
се, где учился младший, из 13 мальчишек
остались трое. Это же страшно! И так
везде сегодня... Демократия, либерали-
зация, ориентация на западный образ
жизни... Если бы вы знали, что мы только
не делали с матерью, чтоб спасти сыно-
вей. Продавал машину, гараж, закладывал
квартиру даже... А каково было видеть их,
когда ломка идет... Господи, неужели все
кончилось? Вы не поверите, сейчас я ис-
пытываю облегчение. Не знаю, что будет
со мной завтра, но сейчас – словно что-то
тяжелое скатилось с моей груди...

По щечкам водителя текли слезы, и он
вынужден был остановиться на обочине
дороги.

Станислав Ломакин

ГОРИТ ВСЯ РОДИНА МОЯ

Русская народная песня

Мы мирно жили в родном крае,
Село стояло за рекой.
Отец мой был природный пахарь,
И я работал вместе с ним.
Лихое времечко приспело –
Война в родимый край пришла:
На нас напали злые чехи,
Село родное подожгли.
Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя!
Отца родного застрелили,
А мать живу в костре сожгли,
Сестру родную в плен забрали,
И я остался сиротой.
Осенней тёмной-тёмной ночью
Прокрался я во вражий стан.
Не ел три дня, не ел три ночи –
Сестру из плена выручал.
Четвёртой ночью изловчился -
Сестру из плена я украл.
Мы с нею тихо в лодку сели
И быстро плыли по реке.
Но вдруг раздался громкий выстрел,
Сестру сразили наповал.
Она простилась со мной взглядом
И прошептала: «Отомсти!»
Я знаю, слабым горе ломит,
Мы, пахари, не из таких.
За смерть отца я мстил жестоко.
А за сестру и мать – вдвойне.
Когда прогнали вражью силу,
Вернулся я в родимый дом.
Не дом то был, а пепелище,
Сгорело всё наше село.
Ушла беда, как день вчерашний,
И скрылася за окоём.
Теперь пашу отцову пашню.
На пепелище ставлю дом.

Славному «Варягу» посвящается

Семилетний Андрюша Руднев, праправнук командира легендарного крейсера «ВАРЯГ» Всеволода Федоровича Руднева живет в тропической Венесуэле (Каракас). Сфотографирован 11 декабря 2007 года - в день вручения семье Рудневых памятных варяжских реликвий российского благотворительного фонда «Крейсер Варяг». Андрюша с гордостью и с пониманием «дела» примерил флотскую тельняшку и бескозырку.

Реликвии от российского фонда «Крейсер «Варяг» Андрюше Рудневу вручал и фотографировал Николай Денисов.

ТЮМЕНЬ
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.
Регистрационное свидетельство № 1248

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская и Ханты-Мансийская писательские организации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 11.02.2008. Тираж 350 экз. Заказ № 194.
Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой.
Корректор Л. Н. Минина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

